

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**СЕРГЕЙ
ВОЛЖИН**

**БЕСОВ ХОЛМ
ТОМ 1**

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Сергей Волжин

Бесов Холм. Том 1

«Эксмо»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волжин С.

Бесов Холм. Том 1 / С. Волжин — «Эксмо», 2022 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-171980-7

Богатыри против Тёмного Бога. Старорусский колорит, проработанные стили речи, имена и локации объемного мира. Первый роман цикла Эделиада. На юге Империи, на территории бедного княжества Ван-Алли, расположено забытое Эльфийское Святилище. Простой люд прозвал это место Бесовым Холмом. По слухам, именно там несколько диких ворожей возродили осквернённое Место Силы и хотят вернуть Тёмного Бога. На Юг отправляют одну из лучших Серебряных дружин с пятёркой столичных магов. От них разит горелой плотью и грехом. Именно они попытаются спасти мир от надвигающейся Тьмы. Что напугало Совет Великих Родов? Что же творится на Бесовом Холме? Во что невозможно поверить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171980-7

© Волжин С., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Ведьмы – забота магов	8
Серебряные	11
Разговор по душам	14
Ладосские чародеи	18
Вызов принят	20
Совет Десяти	23
Бренненский воевода	26
Картины Разума	30
Кровь на пиру	32
Зверь	38
Незабытые чувства	39
Поражение сильнейшего	43
Разные судьбы	47
Покаяние Десятника	49
Покидая Бреннен	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Волжин

Бесов Холм. Том 1

© Волжин С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Тяжёлые тучи скрыли луну, потворствуя этой ночью злым человеческим помыслам.

Он не был готов. Нарушить все существующие законы, попробовать дотянуться до запретной Силы, попытаться её контролировать... Нет, он не был готов. И он боялся. Боялся, что оглядчики заметят его волшбу. Боялся оставить свой след в Великом Барьере, разделяющем Тёмный и Светлый Источники. Такого Совет Родов не простит. Такого в Империи не прощают никому. Но больше всего он боялся шёпота. Сводящего с ума шёпота Тёмных Богов, проникающего в голову при каждом контакте с их миром. Но время не терпит. И он решился. Эта ночь и этот ритуал должны изменить всё. Обязаны изменить всё. Невзирая на страх, сегодня он пойдёт до конца.

Подготовка к ритуалу завершена. Кристалл в его руке уже потеплел, предвкушая страшную трапезу; серебряный кубок, до краёв наполненный кровью, стоит на столе; тщательно начертанная на полу гексаграмма излучает зеленоватое свечение.

Маг сделал глубокий вдох и отпустил заранее сплетённое заклятье Изоляции. Колдовской барьер наглухо запечатал кабинет: ни свет, ни звук, ни запах не могли покинуть этих стен. С губ мага сорвались слова древнего языка. Дрожащими руками он поднёс кристалл к кубку – кровь потянулась к редкому минералу и капля за каплей растворилась в нем. Кристалл завибрировал и озарил комнату багряным свечением.

Теперь пути назад не было. Оборвать ритуал сейчас означало неминуемую гибель. Он не знал, как гасить излишки энергий Тёмного Источника в преждевременно разорванном заклинании. И даже если это получится, невероятный всплеск Силы, последующий за этим, выдаст его оглядчикам.

Монотонный шёпот на языке древнем, как сама Тьма, зазвучал в голове мага. Слова рисовали в сознании ужасные картины и образы, смысл которых он не мог постичь. Непроницаемый смоляной дым заструился из кристалла и расползся по комнате. Он полностью покрывал стол, крался по полу, заползал на стены и, не способный удержаться, опадал вниз, собираясь в центре гексаграммы. Шёпот превратился в гул водопада. Грохот заполнял голову, путая мысли, мешая сосредоточиться. Ритуал стремительно вытягивал силы и грозил лишить рассудка.

Скрывать колебания Тёмного Источника становилось всё сложнее. На лбу мага выступил пот, тело била мелкая дрожь. Дым за спиной бурлил и уплотнялся, поднимался вверх и расширялся, вырисовывая силуэт неведомого существа. Маг почувствовал на себе осмысленный, полный ненависти ко всему живому взгляд и повернулся к призванному. Перед ним в центре комнаты на двух лапах стоял огромный чёрной масти зверь. Глаза горели алым огнём, длинная, схожая с волчьей морда скалила жёлтые клыки. Зверь выпрямился во весь рост, касаясь потолка кончиками заострённых ушей. Наклонившись, он вдохнул запах призывателя и издал недовольное рычание.

Маг в ужасе отшатнулся. В ответ на неведомую угрозу в сознании мгновенно сработало заклятье Барьера, и яркий белый купол накрыл чародея. Зверь с неподдельным интересом обнюхал магическую преграду, коснулся её когтями. Купол заискрился, дрогнул, но выдержал. Когти двинулись вниз, и в защитном барьере образовались хоть и небольшие, но всё же прорехи. Жуткое подобие улыбки отобразилось на морде Зверя – он почувствовал страх сидящего перед ним.

Шёпот Тёмных Богов, усилившись, ударами молота отдавался в висках, всё больше тумая разум. В картинах, явленных ему теперь, маг видел свою смерть. Он видел свою ничтожность перед лицом вселенской стихии, видел, как его защитные заклятья рушатся под неистовым напором Тьмы и как это ужасное порождение проклятого мира разрывает его тело.

Кристалл в руках раскалился, нестерпимо обжигая ладони, и эта боль помогла магу прийти в себя. Дрожащим голосом он произнёс:

– *Ish da Kad-Davri arrak!*¹

Зверь недовольно заворчал и убрал лапу. Увидев замешательство призванного, маг собрался с силами, выставил руку с кристаллом вперёд и выкрикнул:

– *Ish da Kad-Davri arrak!*

Зверь отступил и опустился на четыре лапы: слова родного языка заставили его подчиниться. Огромной чёрной тушей он покорно сидел в ожидании приказа. Маг с облегчением выдохнул и вытер обильно выступивший пот. Грохот в голове стих, боль ушла. Удалось. Ему всё же удалось это сделать. Облизнув пересохшие губы, он улыбнулся – это была улыбка победителя. Не чувствуя больше угрозы, он снял защитный барьер, выдвинул ящик стола и, достав резную шкатулку, положил в неё холодный, безжизненный кристалл.

– Истиан Галлан. Завтра ночью, – проговорил он.

Услышав имя старого врага, зверь снова зарычал, его чёрные когти оставили глубокие борозды на дубовом полу, густая шерсть встала дыбом.

Разорвав тугую нить заклатья Изоляции, маг распахнул окно. Тёплая летняя ночь бросила в лицо ком сладких запахов. Луна вышла из-за туч, бескорыстно отдавая свой холодный свет миру. Он повернулся к призванному и слегка поклонился. Одним мощным прыжком Зверь выскочил в ночную темноту и слился с ней.

Маг смотрел вслед порождению Тьмы. Сегодня он рискнул жизнью и выиграл. Сделанное этой ночью скоро обернётся смертью для его врагов, и эта мысль позволила ему улыбнуться вновь.

¹ Моя жизнь принадлежит Кад-Давру (язык Тёмных Миров) (здесь и далее примеч. автора).

Ведьмы – забота магов

Игнаций подбросил веток в затухающий костёр, снял казавшийся к вечеру пудовым шлем и поглядел на север. Там, на холме, высился последний аванпост Центральных земель Империи. Стеснять обитателей крепости витязи Сорок Девятой Серебряной дружины не стали и встали на ночлег на главном южном тракте Эделии. Лагерь разбили по всем правилам устава, создав некое подобие заставы: две большие палатки взяли дорогу в клещи, за палатками оставили стреноженных лошадей, офицерскую палатку расположили поодаль. Шестеро дозорных встали по периметру лагеря, четверо «встречающих», как называли караульных, перегородили дорогу. Облокотившись на красные каплевидные щиты, они тихо несли свою службу. Тяжёлые повозки и обозы по ночам не ездили, а вот конные и реже пешие путники всё же попадались.

В походе полагалось ночное дежурство дружинного мага, дабы следить за волшбой в ближайших окрестностях. Но время шло, магов в Эделии становилось всё меньше, и обычно Серебряные дружины сопровождали жрецы церкви Триглавы. Служители Трёх Светлых были незаменимы в качестве лекарей, но до настоящих чародеев им было далеко. В этом же походе Сорок Девятой Малой отрядили сразу пятерых столичных магов – небывалая роскошь для мирного времени.

Стояли тёплые летние ночи, так что в некоторые из них воевода Артур Эйхард не отдавал приказ ставить палаток вовсе. Горячий ужин, попону на землю да седло под голову – испытанным в боях витязям этого было достаточно. Столичные же маги в этом походе каждую ночь разбивали свою небольшую палатку вне границы дозора дружины и, скрывшись в ней на закате, выходили только утром.

– Ставлю свою благоверную на кон, срут они тоже в палатке! – хохотнул кто-то во время ужина, сорвав тем самым дружный гогот сослуживцев.

Полог правой палатки отодвинулся, кто-то вынырнул из неё и засеменил к костру. Игнаций улыбнулся. Он знал: в эту ночь Уилл Харриган не упустит возможности посидеть с ним. На пенсию Игнацию только через год, он всё так же крепко держался в седле, да и боевого опыта хоть отбавляй – послушать байки старого десятника и спросить совета как раз и бегал молодой витязь.

Уилл вошёл в круг света костра. Его ярко-рыжие кудри блеснули, отражая танец огня.

– Вы нас демаскируете, молодой человек, – хрипло проговорил Игнаций.

Уилл недоумевающе вскинул брови и огляделся. Задержал взгляд на палатке, из которой вышел, – ничего необычного. Если он что-то и сделал, что заставило ветерана разозлиться, то он не понимал что.

– Волосы, сынок. Твои, леший бы их остриг, волосы! – рассмеялся ветеран. – Они ж отбрасывают свет костра на добрый десяток лиг!

– Имперским дружинам на марше не предполагается таиться и скрывать своё местоположение, – затараторил Уилл. – При переходах воеводы всех дружин обязаны отмечать прибытие в каждом населённом пункте численностью более ста жителей. После прибытия на место...

– Право слово, сынок, да ты декларируешь устав не хуже нашего Артура!

– Знание всех отделов устава является обязательным для... – тут Уилл понял, что старый десятник просто над ним подтрунивает, и смущённо улыбнулся.

Игнаций смахнул накатившую слезу, четверо «встречающих» смеялись вполголоса. В этом смехе не было издёвки. Уилл – парень молодой, крепкий, первый поход, с мечом обращается не хуже любого другого в дружине. Подтянуть владение копьём, чуть резче выполнять команды в боевом построении да набраться боевого опыта – готовый витязь.

– Ладно, парень, не обижайся на старика. Садись давай. Но с волосами, клянусь Тремя, тебе нужно что-то делать, – всё ещё улыбаясь, но уже не без озабоченности в голосе проговорил Игнаций.

Уилл уселся на бревно, служившее в это дежурство десятнику постом. Попытался пригладить непослушные рыжие кудри, но понял, что это бесполезно, и тяжело вздохнул. Он никогда особо не заботился о волосах, в конце концов, у него в роду, насколько он знал, все обладали густой рыжей шевелюрой, и никому ещё это не мешало. Он взглянул на места лысеющую, коротко стриженную голову Игнация и припомнил дружинный устав. В нём был пункт о волосах, но касался он только служащих на островных частях Империи. Непроходимые джунгли занимали там огромные пространства, так что совсем уж длинные волосы и борода мешали нести службу.

– Не спится? – хитро прищурился Игнаций. – Послезавтра твоя ночная, не сбивал бы себе режим.

– Знаю. Десятник Фолин выдал расписание ещё в столице. Насчёт режима не беспокойтесь. Я вообще мало сплю. Я вот что хотел спросить, – Уилл вдруг замялся, будто стесняясь, – а правда, что мы идём на ведьму?

Игнаций пристально посмотрел на рыжего юнца. Тот с честью выдержал его взгляд и глаза не отвёл. В эту ночь, впрочем, как и в любую другую, Игнацию не хотелось ни говорить, ни вспоминать о лесных ворожеях.

– Это я к тому, что, если воевода увидит, что ты спишь на посту, на месяц уйдёшь в штрафники и о возвращении в Серебряную можешь забыть, – будто бы не услышав вопрос, продолжил ветеран. – В нашу так уж точно. Артур такого не прощает. Что же до ведьм, – сдался наконец Игнаций, – поговаривают, что, мол, так оно и есть. Только вот в чём дело-то, ворожеи, ну, ведьмы – забота магов. Может статься, ты их и в глаза-то не увидишь. Накинут на них удавку или как там этот фокус у них называется, и всего делов. А с удавкой в мозгах любая ворожея – просто столетняя старуха. Голова с плеч, мешок, костёр. Так что о них тебе думать не стоит.

– Я ни разу не видел ведьму, пусть даже и с удавкой в мозгах, – оживился Харриган.

– Если Трое к тебе будут милостивы, может, никогда и не увидишь.

– Трое будут милостивы, – повторил рыжий витязь, прикладывая руку к символу церкви Триглавы, висящему на шее. – А вы видели ведьму?

Игнаций привстал подбросить веток в костёр и тут же скривился от боли в раненой ноге. Уилл опередил его и суетливо подкинул еды огню.

– Ежа мне в сапог! – чертыхнулся ветеран. – Этого ещё не хватало. Поход только начался, а эта колода болит всё сильнее.

– Сильно болит, да?

– Для сваренного рака всё худшее уже позади, – отшутился Игнаций. – Ворожеи, значит... Пацаном видал одну. В Ладосе, на костре. Ворожеи вымирают. Да чего там, магов и то с каждым годом рождается всё меньше. Эти старухи вообще не стоят внимания Серебряных. Не забивай себе магической ерундой голову, парень. Служи, коли служишь. Наше дело ратное.

Игнаций лукавил. На самом деле с начала похода его не покидала тревожная мысль: «А чего это вдруг на усмирение двух или трёх диких ворожей в забытом всеми богами княжестве Ван-Алли Империя отправляет элитную Серебряную, да ещё и пять столичных магов в придачу?»

Ведьмы в Эделии последнее время проявляли себя всё чаще, но до сих пор это решалось князьями на местах. Десяток витязей, один-два жреца Триглавы – и кончено. Но этот поход тревожил Игнация. Ещё и старая рана напоминала о себе куда как чаще обычного.

– Я ещё хотел спросить про мальчика, – продолжил Уилл.

Игнаций бросил на него недоумённый взгляд:

– Мальчика? Какого мальчика?

– Ну, который едет с магами. Я думал, он их служка, но ни разу не видел, чтобы он готовил обед или носил воду их лошадям.

– Да дались же тебе эти столичные, – пробурчал Игнаций. – Мальчик, значит... Ты про того паренька с золотыми глазищами?

– Ага! Златоглазка, – улыбнувшись, подтвердил Уилл. – Ребята видели его на привале в одной из деревень.

– И тебе, и нашим ребятам нужно прикусить свои языки! – Тон старого воина резко изменился. – Этот мальчик, как я слышал, из древнего рода Галлан. Его отец входит в Совет Родов, а сам он в том году один сровнял с землёй лагерь бунтовщика Ролиса.

Уилл изумлённо уставился на Игнация.

– Этот мальчик как бы не сильнейший маг в своём поколении. Так что я советую тебе выбирать слова. Мало ли кто нас может слушать?

– Подслушивают?! У нас, в лагере? – ошарашенно выпалил Харриган, оглядываясь по сторонам. – Правда, я слышал, что маги не спят вовсе. Каждую твою мыслёнку прослушать могут. С духами, словно шаманы орочи, общаются...

– Эка тебя понесло! – присвистнул Игнаций. – Вся эта магическая кутерьма, я вижу, здорово засела у тебя в голове. Ты мне показался более сдержанным парнем. Что, выходит, у тебя всё ребячьи сказки на уме? Или я зря рекомендовал тебя воеводе?

Уилл густо покраснел. Окончив в семнадцать лет военную академию, он два года прослужил в городской страже Ладоса, но эта служба ему быстро наскучила. Он жаждал славных приключений, как у героев прошлого, а когда Сорок Девятая проводила донабор в свои ряды, единственный из тридцати подавших заявку прошёл смотр.

– Понимаете, сударь, я не боюсь никого, кто ходит по земле, но вот те, кто под землёй... – Уилл перешёл на шёпот и подвинулся ближе. – Жрецы Триглавы в Ладосе такое про ведьм рассказывали!

– По новой поехали?! – не на шутку рассердился Игнаций. – Под землю он заглядывает, ишь! Для тебя, сопляка, и на земле лихоедеев хватит!

Харриган опустил голову. Будучи столичным стражем, он ни разу не имел дела с магами и уж никак не мог повстречать прислужников Тёмного Культа. Первый же поход в качестве Серебряного бросил его в так желаемые им приключения. Он почти не спал ночами, постоянно выдумывая и гадая, как воевода Эйхард будет выстраивать бой против ворожей. А получалось, что и поговорить про ведьм нельзя, и чародеи Ладоса заберут себе всю славу!

– Ладно, парень, – вздохнул Игнаций. – Не серчай на старика. Нога треклятая ноет. А тебе действительно пора на боковую. Даже молодым нужен отдых. Режим, помнишь?!

Уилл улыбнулся, пожелал десятнику тихой службы и вернулся в палатку.

– Ведьмы, маги... Триглава их забери! Серебряным ни один враг нипочём! – пробормотал он, устраиваясь на жёстком солдатском лежаке. Зевнув и покрепче сжав серебряный трилистник, висящий на груди, он почти сразу уснул.

До рассвета оставалась лишь пара часов.

Серебряные

Сорок Девятая Малая Серебряная дружина во главе с Артуром Эйхардом держала путь на юг. Пятьдесят шесть конных витязей в лёгких кольчугах ровным строем отмеряли лигу за лигой. На их алом знамени белый всадник поднимал на дыбы скакуна, копьём поддерживая золотую обрамлённую десятью кристаллами имперскую корону.

Позади дружины, выдерживая приличную дистанцию, ехала пятёрка магов. Их лица скрывали капюшоны, а имён не знал даже воевода Эйхард. Только по ярко-золотому плащу одного из пятёрки можно было распознать представителя рода Галлан, одного из Десяти Великих Родов, более двух тысяч лет назад основавших Империю и воздвигнувших на стыке четырёх рек столичный город Ладос.

Витязи шли налегке. Покрывая более двадцати лиг в день, они в положенные десять дней успевали с запасом прибыть в замок Бреннена, расположенный на границе княжеств Лестор и Ван-Алли.

На восьмую ночь дружина Эйхарда встала лагерем возле моста, перекинутого через небольшую безымянную речушку. Они миновали столицу Лестора, и до Бреннена оставалось всего несколько лиг.

Оставив ужин на потом, витязи очищали от дорожной пыли доспехи, натирали до блеска копья и мечи: входить в большой город требовалось с пафосом, как и подобало столичной дружине. Казарменные палатки выросли по обеим сторонам дороги, «встречающие» расположились на тракте, палатка магов немым мемориалом встала на берегу реки, как обычно, вне дозора дружины.

Воевода Эйхардт осматривал лагерь. Внезапно за спиной он услышал деликатный кашель:

– Я великодушно прошу вашего прощения, сударь воевода.

Артур в недоумении повернулся к незнакомцу. Он мог поклясться, что не слышал ни звука за спиной, но тем не менее сейчас перед ним стоял, возвышаясь на две головы, темнокожий великан, широченными плечами заслонивший заходящее солнце. Большой, искусно огранённый кристалл, зажатый в лапах двух золотых ящеров, сиреневыми всполохами мерцал у него на груди. Несмотря на выдающийся вперёд живот, незнакомец казался настоящим богатырём даже на фоне витязей Эйхарда.

– Разрешите представиться, Эбинайзер Кин. Я являюсь руководителем Ладосской Центральной Магической ячейки. Сегодняшним вечером я прошу вас, сударь воевода, и ваших десятников посетить нашу палатку для беседы о цели похода и обсуждения наших общих дальнейших действий, которые мы можем принять для решения инцидента, ставшего причиной одного, – ни разу не запнувшись, проговорил маг.

Артур не сразу нашёл, что ответить. Подобный замысловатый слог сбил его с толку. Он внимательно осмотрел радушно улыбающегося здоровяка и, коротко кивнув, ответил:

– Конечно. Артур Эйхард, воевода Сорок Девятой Серебряной. Думаю, нам давно стоило обсудить этот вопрос. Поделиться друг с другом информацией по данному... инциденту.

– Поделиться информацией?! – удивлённо вскинул брови Кин. – Хотя почему бы и нет! Конечно. Да. Разумеется. Думаю, вам тоже есть что нам рассказать. Мы с интересом слушаем всё, что вам известно, и, в свою очередь, расскажем всё, что известно нам, – улыбнулся он, сверху вниз глядя на Артура.

– После заката будем, благодарю за приглашение.

– С великим нетерпением буду ждать нашей встречи. – Маг развернулся, заложил руки за спину и не спеша зашагал к своей палатке, не выказывая никакого интереса к окружающим.

Артур задумчиво провожал его взглядом, когда из-за ближайшей палатки к нему неторопливо подошёл Кэс, один из дружинных десятников.

– Чего случилось, старшой? – посмотрел он вслед бредущему по лагерю магу.

– Хм... Да пока вроде ничего. Всем десятникам сбор. Сегодня мы приглашены к магам на совет.

– О-о! – поднял брови молодой десятник. – Соизволили-таки переговорить по душам? Я уж думал, совсем нас за мурашей считают.

– Ну ты сильно-то не обольщайся. Разговор с нами ещё не значит, что они принимают нас как равных. Давай-ка, собери всех.

– Выполняю! – Кэс хлопнул себя левой рукой по правому плечу в воинском приветствии и быстрым шагом отправился собирать остальных десятников дружины.

– Угу, – задумчиво протянул Артур, – выполняй.

* * *

Артур и пятеро десятников сидели в офицерской палатке, обсуждая, какую информацию могли получить столичные чародеи, так как сами знали о цели похода только из приказа, а он гласил:

«Сорок Девятая Малая Серебряная дружина перебрасывается на юг для поддержания порядка и устоев Империи на её дальних рубежах и устранения неподконтрольных ей магических ситуаций. Артуру Эйхарду надлежит в пятнадцатидневный срок явиться в замок Бреннена на территории княжества Лестор и получить дальнейшие распоряжения от командующего замком воеводы Амоса Радного. Для усиления Сорок Девятой Серебряной Малой в этом походе участвуют пять членов Ладосской Магической Семинарии. Входя в состав Сорок Девятой, данные пятеро в подчинение Артура Эйхарда не поступают. Отчитаться об итогах похода предстоит замковому воеводе Амосу Радному».

– На кой ляд им в такой глухомани Ладосские чароплётёны? – начал Кэс. – Пару диких ведьм, как же! Слишком много чести для лесных старух.

– Не могли, что ли, найти для этих сударей магов другой эскорт? Надо было дёргать из столицы военную элиту! – поддержал брата Фарли.

– Остынь, элита! – усмехнулся Кэс. – С твоим отъездом столичные шлюхи хоть подлечат свои дыры!

Оба молодых десятника весело и с готовностью расхохотались.

– Хочу напомнить вам, судари, – прервал смех Артур, – что наша работа не рассуждать о приказах, а выполнять их.

– Валлаэрты, что с них взять, – вздохнул Игнаций. – Только девицы да потеха на уме.

– Не, старый, мы с Кэсом девиц-скромных не трогаем. Нам алёнушки-люболюстры роднее!

– Закончили, ага! – рыкнул на братьев Аксен. – Давай, старый, твоё слово.

– Вот что я скажу, Артур, – расправил седые усы Игнаций, поудобнее усаживаясь на лежаке. – С самого первого дня этот поход у меня вызывает много вопросов. Цель заранее не разглашается, маги всю дорогу едут сычами, не проронив ни слова. Тревожно что-то у меня на сердце, да и нога разболелась – чувствуя, быть беде.

Кэс и Фарли дружно закивали: интуиция ещё ни разу не подводила ветерана, по крайней мере, на их памяти. Аксен тем временем приоткрыл полы палатки и выглянул наружу, будто желая убедиться, что их никто не подслушивает.

– Согласен, магам нельзя доверять, – проговорил он. – У этих сукиных детей всегда что-то своё на уме. Ворожей, вольница, разберёмся на месте – от Серебряной стали ещё никто не уходил. Радный – вот кто не идёт у меня из головы. Этот жирный сукин сын пошёл на

повышение после войны с племенами Урусских. Если я увижу этого выродка, ты уж, старшой, не держи на меня зла, я перережу ему глотку от уха до уха, – подтверждая всю серьёзность своего намерения, он достал из-за пояса огромный зазубренный нож.

– Десятник Фолин, выбирайте выражения, – строго сказал Артур. – Я не знаю, что там у вас за счёты с Амосом, но мы витязи Эделии, а не лесные головорезы.

– Ни одному головорезу и не снилось столько смертей, сколько на совести у этого выродка! Во время той войны я водил десятку в его дружине. Вы не представляете, что это за человек.

– Я слышал всякое про этого Радного, – протянул Игнаций. – Вроде бы даже Суд Чести был.

– Хера Ладосского ты слышал! – прорычал Аксен. – Суд Чести?! Мы выполняем приказы, не задавая вопросов, а после рассуждаем о чести! Трусов сажают на троны, пока тысячи из-за них гниют в земле.

– Резать всех трусов на тронах – никакой стали не хватит, – запоздало пошутил Кэс.

– Вообще проредить было бы неплохо, – согласился Фарли.

– Прекратить! – рявкнул Артур, окончательно усмирив молодых десятников. – Теперь с тобой. – Он повернулся к Аксену. – Что бы ни происходило на Кадал-Урусских – это всё в прошлом. Сейчас главное – задание. Мыслью, помахать мечами в этом походе нам всё же придётся, так что побереги сталь. Да и губить себе жизнь из-за одного старого труса не стоит. Убери нож.

– Убери, Аксен, – повторил просьбу воеводы Игнаций.

– Выполняю, – буркнул Аксен. – Жду вас на месте, – он хлопнул себя по плечу, убрал нож и вышел.

– Артур, с ним нужно что-то делать, – покачал головой Игнаций. – Не знаю, что там у них с Радным, но Аксен накличет на себя лихо.

Аксен Фолин слыл чрезвычайно вспыльчивым человеком и после войны с орками на Кадал-Урусских островах был разжалован до простого мечника Железных легионов. Три года службы – и Совет Воевод вернул ему серебряные фибулы, но ни в одной Серебряной дружине он долго не задерживался. Многочисленные жалобы на взрывной характер почти погубили карьеру воина, но потом молодой воевода Эйхарт взял его в новую, ещё только формирующуюся Сорок Девятую. За год службы под его началом Аксен показал себя превосходным бойцом и стал пользоваться огромным уважением среди витязей. Он не раз рисковал жизнью ради соратников, но держался ото всех особняком и о случившемся на островах никому не рассказывал.

– Он справится, – кивнул Артур. – Должен справиться. Ну а пока... Судари столичные маги обещали нам беседу, пойдем послушаем, чего они там придумали.

– Чароплёткам нельзя верить, – подытожил разговор молчавший всё это время Ром.

Разговор по душам

Десятники оставили оружие в палатке: в мирное время дружинный устав предписывал вести Советы без стали. Наградной кинжал, полученный Артуром из рук старшего воеводы Эделии, Трибиуса Талка, так и остался висеть у него на поясе. Булатная сталь, украшенная серебром и сапфирами, выковывалась исключительно для ладосских воевод и давала право обладателю не разоружаться даже перед лицом Императора.

Ночь уже вступила в свои права. В воздухе пищали комары, а лягушки своей песней, казалось, пытались докричаться до Великих Святых, захороненных в столичных криптах.

Серебряные подошли к палатке магов. Вблизи оказалось, что соткана она не из материи, а из тончайших стальных нитей. Поднявшийся ночной ветер сколь ни силился, не мог потревожить её. Свет, если и горел внутри, наружу не пробивался. Звуки отсутствовали напрочь.

Из темноты вышел Аксен. В тусклом свете луны его лицо более походило на застывшую маску мертвеца.

– Тишина, старшой, – смачно сплюнул он. – Кажется, они над нами просто посмеялись.

Будто в ответ, полы палатки разошлись, и к ним вышел руководитель Центральной Магической ячейки Эбинайзер Кин.

– Долгих лет и здоровья храбрейшим из храбрых, – произнёс он нараспев и широко улыбнулся.

– И вам здоровья этой ночью, – поднял бровь Артур.

– Заходите, прошу.

Походное жильё магов оказалось скромнее, чем можно было представить. В центре палатки парила карта Эделии. На ней красный круг отмечал некую возвышенность на территории княжества Ван-Алли. Над картой висел и тускло поблёскивал небольшой кристалл, но освещал временное жильё столичных чародеев вовсе не он. Здесь не было ничего, что бы отбрасывало этот мягкий голубой свет. Здесь светился сам воздух, и теней не было вовсе.

При таком освещении стал отчётливо виден шрам на лице Кина. Он тянулся вниз, скрываясь под воротом куртки, и пульсировал ярко-рыжими всполохами. Без плаща руководитель столичных чародеев ростом и шириной плеч лишь немного уступал Рому, считавшемуся настоящим гигантом в дружине Эйхарда.

Возле карты стояли пятеро, каждый из них запоминался сразу и навсегда.

Одним из магов оказался тысячелетний старик в длинном сером балахоне. Он раскачивался из стороны в сторону, опираясь на кривой деревянный посох, и, похоже, только это не давало ему свалиться на землю. На вид он был настолько стар, что оставалось только гадать, как этот хрыч не представился Трём Светлым за время семидневной скачки. Сухая кожа туго обтягивала лысый череп, а глаза, вернее, бельмо, так глубоко запали внутрь, что не возникало никаких сомнений – старик слеп.

Рядом с ним, являя небывалый контраст возрастов, стоял мальчик-подросток. Его салюные, чем-то густо смазанные волосы были зачёсаны назад. Он смотрел на прибывших с нескрываемой насмешкой, а Сила, сияющая золотом в глазах, казалось, могла повернуть реки вспять или заставить горы убегать с дороги.

Рядом с мальчуганом расположилась женщина. Её холодное, без единой морщины лицо притягивало и одновременно пугало своей неестественностью. Ярко-карие глаза сияли, отражая волшебный свет, а вот волосы, наоборот, его поглощали и создавали иллюзию чёрной пустоты за её спиной.

Но больше всех поражал последний из пятёрки, или теперь стоило говорить – шестёрки? По правую руку от высокой магички стояли двое. Отличить их не было никакой возможности, как нельзя отличить две золотые, только что отчеканенные имперские монеты. Эти двое

ростом были чуть выше золотоглазого мальчугана и худы до предела человеческого тела. Мерцающие радужные глаза резко контрастировали с мертвенно-бледными лицами. Белёдые редкие волосы висели патлами. Бескровные, растянутые в постоянной нелепой улыбке губы обнажали коричневые, почти чёрные пенёчки зубов.

– А я думал, их пятеро?! – выдохнул Кэс.

Присутствующие все как один обернулись, заставив молодого десятника прикусить язык и выбрать потолок палатки как объект внимательнейшего рассмотрения.

– Артур Эйхард, воевода Сорок Девятой Малой Серебряной дружины. Также десятники, – проговорил Артур.

Пятеро магов, за исключением Кина, чуть склонили головы.

– Центральная Магическая ячейка Ладоса, – обвёл чародеев рукой Эбинайзер. – Не будем терять драгоценное время. Я начну. – Он заложил руки за спину и стал рассказывать из стороны в сторону. – Мне известна цель вашего похода, сударь Эйхард. Вам приказано прибыть в Бреннен и получить дальнейшие указания от тамошнего воеводы Амоса Радного – признанного стратега, героя войны, награждённого практически всеми существующими орденами Империи и прочее, и прочее.

Аксен при упоминании Радного сжал кулаки и нахмурился. Заметив это, Эбинайзер снисходительно улыбнулся и продолжил мерить палатку шагами – сегодня за всю ячейку говорить собирался только он, а лекторский тон не предполагал, что его хоть кто-то будет перебивать.

– Ваш приказ подразумевает подавление всех действий, включая магические проявления, направленные против Империи и её народа. Для предотвращения магической составляющей к вашей Малой Серебряной и была приписана наша ячейка. Несомненно, помощь, которую может оказать ваша дружина в решении поставленной задачи, трудно переоценить, но, – он остановился и посмотрел Артуру в глаза, – я всё-таки хотел просить вас... Вынужден просить именно вас, сударь мой воевода Эйхард, как только мы доберёмся до места инцидента, отдать приказ вашим подчинённым о невмешательстве и соблюдении разумной дистанции от нашего, – он нажимом выделил это слово, – лагеря.

– Нам приказано... – начал Артур, но Эбинайзер, не глядя, жестом остановил его и вновь зашагал по палатке. Он всё больше и больше походил на профессора Семинарии, диктующего нерадивым ученикам лекцию под запись.

– Как нам стало известно, в землях Ван-Алли, на возвышенности, прозываемой чернью Бесов Холм, обосновались дикие ворожеи. Всего две или три. Уверен, вы знакомы с историей и знаете, что в нынешние времена ведьмы не представляют особой угрозы, хотя раньше и являли реальную опасность. Может быть, на местных крестьян они ещё и наводят страх, но, уверяю вас, даже трём, ну или четырём десяткам местного князя было бы по силам справиться с их столь незначительной группой.

Кэс набрал в грудь воздуха и хотел было прервать Кина, но Артур уловил это намерение и строго взглянул на него.

«Не сейчас. Слушаем дальше», – понял Кэс и, вздохнув, принялся с тем же особенным интересом, с которым недавно рассматривал потолок, разглядывать собственные сапоги. Взгляд воеводы поняли и другие десятники.

– Уверен, вас мучает вопрос: если угроза столь незначительна, то для чего же столице отправлять в такое захолустье на усмирение двух-трёх диких ворожей элитную дружину? – продолжал тем временем Кин.

Кэс и Фарли живо переглянулись и, вскинув брови, уставились на темнокожего мага. Тот как ни в чём не бывало продолжал:

– Уверяю вас, дело обстоит именно так, как я сказал выше, и никак иначе. В Ладосе есть маги, которые хоть и имеют вес в Совете Родов, но застряли в древних легендах и покры-

тых пылью сказках. Они видят в каждой деревенской предсказательнице след Трёх Тёмных. – Эбинайзер хмыкнул, подчёркивая нелепость сего суждения. – Что же касается моей просьбы о невмешательстве в работу нашей ячейки на месте инцидента, то здесь я действую только из соображения вашей, судари мои витязи, безопасности. Магия может быть непредсказуема и опасна. Как говорится, ведьмы – забота магов, а ваше дело – ратное. – Не скрывая самодовольства, он бросил взор на Игнация. Ветеран ответил ему тяжёлым взглядом из-под густых бровей.

Повисла пауза. Пятёрка магов не произнесла ни слова и не сделала ни одного движения за время монолога своего руководителя. Артур понял, что все присутствующие ждут его ответа. Он улыбнулся и спокойным тоном произнёс:

– Благодарю вас за разъяснения и предостережения. Наша Малая Сорок Девятая Серебряная примет к сведению ваши пожелания. Со своей стороны, могу гарантировать, что ни один из моих людей не создаст вам неудобств. Но всё же отмечу, что наши действия будут отталкиваться от распоряжений, которые я лично получу от Амоса Радного, как и предписывает мне приказ. – Обращался он только к Кину, решив, что, хоть встреча и подразумевает присутствие более двух человек, разговор в этой палатке идёт, безусловно, только между ними.

– Ничего другого я от вас и не ожидал, – с добродушной улыбкой произнёс Эбинайзер. У Артура при виде этой улыбки возникло непреодолимое желание двинуть её обладателю по зубам. – У вас свои приказы, у нас, как это ни странно, свои. Желая ещё больше укрепить нашу дружбу, я приготовил вам карту местности, прилегающей к Бесову Холму.

После этих слов Кина уголки плотно сжатых губ высокой магички чуть скривились. Это заметил только Фарли – будучи известным ходоком, он то и дело поглядывал на неё.

– Карта содержит подробнейшее описание всех значимых объектов рядом. Для удобства расположения вашего лагеря, разумеется. Вы найдёте её в своей палатке по возвращении, – закончил наконец маг.

Глаза всех без исключения витязей расширились. Заметив изумление, Эбинайзер невинно рассмеялся:

– Заверяю вас, никакого проникновения на территорию вашего лагеря не было. Ваши вещи не потревожены. Это всего лишь жест добрососедства. В знак будущих крепких взаимоотношений.

– Благодарю за заботу, – процедил сквозь зубы Артур.

– Вы всё же встревожились! – нарочито громко выдохнул Эбинайзер, театрально вскинув руки. – Ну, может, мы действительно нарушили кое-какие правила, но ведь и вы, как я понимаю, не без греха. – Он выразительно посмотрел на Аксена.

Пятёрка магов, подражая своему руководителю, перевела взгляды на мрачного десятника.

– О чём он говорит, Аксен? – строго спросил Артур.

– Старшой, я не понимаю, – нисколько не смутившись, соврал тот.

– Не понимает?! – Эбинайзер покачал головой, как отец, разочарованный поступком сына. – Если у вас в Сорок Девятой не следят за исполнением воинского устава, я скорблю по нашей армии.

– Аксен Фолин, я приказываю дать разъяснения. Этот человек явно намекает на нарушение тобою устава!

Аксен, не отводя взгляда от Артура, медленно достал из-за спины охотничий нож в две ладони длиной. Маги явно были рады этой выволочке и смотрели на происходящее с неподдельным удовольствием.

– Ты принёс на совет сталь, – покачал головой Артур. – Десятник Фолин, вы будете строго наказаны. Сегодня ляжете спать в сапогах. Свободны!

Аксен довольно хмыкнул, выпрямился, хлопнул левой ладонью по правому плечу и нарочно громко, как на парадном смотре, рявкнул:

– Благодарю, сударь воевода!

Резко повернувшись на каблуках, он строевым шагом вышел из палатки. Кэс с Фарли не удержались и приснули со смеху, Игнаций довольно крякнул, и даже Ром, молчаливо игнорирующий всё происходящее, не смог сдержать улыбку. Улыбки же магов после такого сползли с лиц.

– Как, вы не возьмёте его под стражу?! – изумился Кин. – Ваш десятник нарушил воинский устав Эделии!

– Десятник Фолин получил более чем суровое наказание за свой проступок. Данный инцидент, – Артур нарочно выделил слово «инцидент», – никак не касается Магической ячейки Ладоса. Если же вы обеспокоены угрозой, которую могла представлять для вас сталь моего десятника, то заверяю, никакой угрозы не было. Уверен, мой подчинённый действовал только из соображений вашей, судари мои маги, безопасности. Засим я желаю вам тихой ночи. Ещё раз благодарю за интереснейшую беседу.

Артур обвёл всех мажиков взглядом и жестом показал своим – «уходим». Четверо витязей повторили манёвр Аксена – выпрямившись как по команде, они громко хлопнули левой ладонью по правому плечу, развернулись и один за другим вышли из палатки. Артур ещё раз улыбнулся, слегка поклонился и вышел за ними.

Ладосские чародеи

– Воевода-то у них далеко не дурак, – протянул дребезжащим голосом старый слепой маг. – А ты, Кин, хвастливый идиот! Всё бахвалишься своим умением видеть картины чужого разума, но не умеешь при этом держать язык за зубами. Старик тебя раскусил. Уверен, те молодые оболтусы – тоже. Ради чего, скажи, ты устроил весь этот балаган?

Эбинайзер ничего не ответил магистру Горану. Он лишь скривился и молча растянулся на лежаке.

Может, действительно переиграл? Да ничего! Зато дуболомам Эйхарда будет над чем поломать головы этой ночью. Хотя надо признать – зачатки мозгов у них всё же есть. Эйхарда так точно дураком не назовёшь.

– Ты что скажешь, Прис? – спросил высокую магичку золотоглазый паренёк.

– Мне абсолютно наплевать на эти мужские игры, у кого хер длиннее. Также мне абсолютно наплевать, если кто-то из этих тупоголовых подохнет на том холме. Если их заденет моя волшба или мерзкая магия этих старух, я реветь не стану! Похотливых мужланов в Империи полно, бабы дают за несколько медяков – нарожают ещё. Вы не против, руководитель? – Магичка презрительно глянула на Эбинайзера и ехидно рассмеялась.

Мальчуган хихикнул и густо покраснел. Присцилла ему никогда особенно не нравилась, но её пошлые высказывания вызывали в его подростковом мозгу бурю эмоций.

– Вы бы, молодой человек, не похабности впитывали, а сосредоточились на Тени, – проскрипел магистр. – В здешних краях Источник слабее, чем в Ладосе, али не чувствуете?

Парнишка вскинул подбородок и с гордостью ответил:

– Я рассмотрел Тень ещё вчера. В трёх лигах отсюда орочья резервация. Один шаман пытается добавить земле плодородия. Не слишком у него это выходит – самоучка. Ни знаний, ни таланта.

– Сударь мой Галлан, – покачал головой слепой маг. – Вы или прогуливали Теорию Сил, или спали во время лекций. Признанный исследователь и историк магии Мантифий Полион в третьем томе своего труда «Размышления о природе Источников» убедительно доказывает, что общение с духами стихий, сиречь шаманизм орочьих племён, вызывает к первобытной магии самого мира и никак не влияет на Светлый Источник.

Иллиан растерянно посмотрел на магистра. Теория Доступных Магических Сил была его самым нелюбимым предметом в Семинарии. Он частенько её прогуливал и лишь чудом сдал выходной экзамен, получив за него «допущен». Насупив нос, под ехидное ворчание Присциллы он отправился на свой лежак оглядывать Источник на предмет творимой в окрестностях волшбы.

Эбинайзер Кин лежал, отрешённо смотря в потолок. С виду спокойный и умиротворённый, на самом деле сейчас он изо всех сил пытался уgomонить закипающую злость. Разговор старого учителя со своим подопечным был ему неинтересен, а вот похабные высказывания и подначки Присциллы ему надоели до смерти. Присцилла презирала всех иноземцев, а иноземцев, стоящих выше неё, просто ненавидела. Приказы Эбинайзера она выполняла всегда со скандалами и оспаривала любое его решение.

Присцилла Неоттон, Алая Прис, почти сразу после выпуска из Магической Семинарии Ладоса снискала себе более чем мрачную славу. Её уже не раз обвиняли в излишней жестокости. Её заклятье «Огненного шторма» нередко выходило из-под контроля и губило не только врагов, но и воинов Империи. Однако высокое положение её отца, Габриэла, и глубокие шахты по добыче кристаллов семьи Неоттон позволяли Присцилле избегать выговоров и взысканий. Совет не особо ценил её таланты, и только властной рукой Габриэла Неоттона и с помощью тяжёлого сундучка с золотом она с полгода назад вошла в состав Центральной ячейки.

«Этой стерве давно как следует не задвигали, вот она и бесится, мешая всех с дерьмом», – нашёл для себя объяснение действиям Присциллы Эбинайзер и, сделав глубокий вдох, попытался выбросить бунтующую по поводу и без магичку из головы.

Пререкаться со знатной чародейкой ему не хотелось. С этой бледной стервой он ещё разберётся. Сейчас у него было задание, и задание предельно ясное – уничтожить ворожей. Всё остальное не имело значения. Хотя, с его точки зрения, дёргать сильнейших магов Эделии для устранения выживших из ума старух всё же было нецелесообразным. Но выходец с далёких южных островов, давным-давно ставших частью Империи, привык чётко исполнять поставленные ему Советом и Семинарией цели. Именно такая исполнительность позволила некогда безродному дикарю стать членом, а после и главой элитной Магической ячейки Эделии и попасть в так ненавистный ему в молодости цвет общества.

Эбинайзер очнулся: снаружи послышался недовольный храп лошадей.

– Кирр, давай в кристалл! Блокировать всю волшбу в округе. Если хоть один придорожный дух ещё раз потревожит коней, отправлю тебя в Ладос на доработку!

Чем ближе пятёрка подходила к Бреннену, тем непредсказуемее вели себя местные духи. Придорожники преследовали магов уже несколько дней, полевики и лесные, когда такое бывало, не таясь, нападали на речных. Присутствие людей остановило их сражение, но только на время. Происходящее на Бесовом Холме сводило природу с ума.

Услыхав приказ, оба белёсых, не прекращая идиотски улыбаться, одновременно повернулись к Эбинайзеру и поклонились так низко, что их жидкие волосы коснулись пола. Усевшись на лежак и подобрав под себя ноги, они тихо выдохнули:

– Кииииир...

Их радужные глаза закатились вглубь. Теперь из-под полузакрытых век близнецов видны были только желтоватые, с кровавыми жилками белки. Блокировщик ступил на пост, оберегая членов ячейки от возможного колдовства со стороны. Оберегать Серебряную дружину у него приказа не было.

«Сделать, что ли, крюк? Заехать к этой орочьей грязи и узнать, что не так с духами? – подумал Эбинайзер и тут же отмёл эту мысль как нелепейшую. Он ни у кого не будет просить помощи в этом походе. Он всё сделает сам. – Старик прав. Эйхард не так прост. Но его солдатня будет только мешаться под ногами. Упёртые бараны! Прис обязательно их зацепит. Не случайно, так намеренно. Могут быть проблемы с Советом Воевод...»

Невзирая на глубокую задумчивость, от Эбинайзера не ускользнуло одно гнусное заклятие, брошенное Присцилой. Он тут же распознал его, проследил до цели и усмехнулся.

«Пусть поразвлечётся! Может, хоть это её немного успокоит».

Вызов принят

Лагерь спал. В тиши южной ночи слышалось лишь похрапывание лошадей да тихие разговоры «встречающих» на дороге. Весь обратный путь витязи проделали молча. Каждый из них понимал, какую оплеуху получила сегодня их дружина. Поведение столичных магов лишний раз подчеркнуло их исключительное положение в Империи.

Зайдя в командирскую палатку,десятники увидели Аксена. Тот, весь багровый, тяжёлым взглядом буравил невесть как появившуюся на столе карту. Свой охотничий нож он всадил глубоко в помеченный на ней красным кругом холм. Повернувшись к только что вошедшим товарищам, он процедил сквозь зубы:

– Они перешли черту, старшой. Эти сукины дети перешли черту!

– Этот членосос слышал все наши разговоры! – взорвался Кэс. – Да он и сейчас, поди, слушает! Эй, Эбинхайзер, или как тебя там?! Ты грёбаный членосо-ос, слышишь?! А матушка твоя облизывала хер за медяк в борделе! Да чего там, я уверен, что ей это настолько нравилось, что она сама приплачивала любому забулдыге, лишь бы отсосать! – не сладив со злостью, он пнул ни в чём не повинный служивший подушкой походный мешок.

– Слышал разговоры?! Сомневаюсь, – проговорил Игнаций. – Это у них называется вглядываться в Картины Разума. Это больше чем слышать. Они заглядывают тебе прямо в голову и видят всё, не только разговоры.

– Мне плевать, как они это называют! – не унимался Кэс. – Проникновение в палатку воеводы – нарушение всех существующих правил. Читать мысли – вообще шпионаж! Старшой, нужно сообщить в стольный, воеводе Талку. Этих уродов повесят!

– Трахал я как-то в «Задранной Юбке» одну алёнушку, – протянул Фарли. – Так она клялась, что как-то раз один маг залез её товарке в голову и свёл с ума, когда они не сошлись в цене за услуги. Если эти столичные чароплётёны способны на такое, Старшой, нужно действительно что-то делать.

– Великие Трое! – простонал Кэс. – Что же это?!

В палатке повисла тишина. Артур слышал много историй о способностях сильнейших магов столицы, но встретился с ними только сегодня. В том, что каждый из этой пятёрки мог прозываться сильнейшим, сомнений у него не было, и Серебряные ничего не могли противопоставить зарвавшимся чародеям.

– Я бы его поборол, – неожиданно произнёс Ром, высказав эту мысль скорее палатке, чем присутствующим в ней.

– Да хорош ты! Поборол! – отмахнулся Кэс. – Артур, из Бреннена нужно связаться с Талком и сообщить обо всех нарушениях! Стальной Талк не позволит кучке охеревших магов издеваться над Серебряными. В конце концов, это наш поход, а они только на подмоге!

Артур продолжал молчать. В словах Кэса был смысл. Проникновение в палатку воеводы, а главное, нескрываемае волшебство, направленная на командный состав. «Явное и сокрытое магическое вмешательство, посягающее на военную тайну...» и прочее, и прочее. За такие действия грозила если не плаха, то лишение всех чинов и заслуг. Всё так, на бумаге. Да вот только за последние десятки лет Магическая Семинария сильно укрепила свое влияние в Империи. Десять Великих Родов почти полностью правили страной. Торговая Гильдия Лестора ещё как-то оставалась независимой, а вот Император Стридал Пенталор был стар и бездетен. В попытке продлить себе дни и свой род он всё чаще и чаще обращался за помощью к магам, за их услуги раздавая земли, чины и звания. Последняя большая война с орками на Кадал-Урусских островах постепенно забывалась. Героизм воевод стирался из памяти. Тысячи сложивших голову витязей считались выполнившими долг, а вот о заслугах магов слагались песни и легенды. Год за годом в столице всё больше возводилось мраморных памятников в длинных плащах с посо-

хами, а изваяния героев с мечами и копьями зарастали плющом. Артур прекрасно понимал распределение сил в Империи. Он не сомневался – старший воевода Трибиус Талк, Стальной Талк, как прозвали его витязи, непременно рассмотрит доклад о вопиющих действиях магов, но вот об отрубленных головах, чего там, даже о мало-мальски серьёзном наказании речь вряд ли зайдёт. Семинария сделает всё, чтобы выгородить своих лучших представителей перед короной.

– Талку писать смысла нет, – подтвердил мысли Артура Игнаций. – Его голос слаб теперь. Чароплётки контролируют всё.

Услышав приговор Игнация, Кэс, разразившись проклятиями, принялся месить мешок ногами. Фарли вошёл в глубокую задумчивость, изучая грязь под ногтями, Ром всё так же молчал, вероятно, раз за разом прокручивая в голове свой победоносный бой с Кином.

– К ляду Стального! – прорычал Аксен и, выдернув нож из карты, крутанул в руке. – Старик своё отвоевал. К ляду устав! Нам, как пацанам, не знающим рать, приказывают не лезть в дела великих магов. Мы что, шлюхи бордельные, их приказы выполнять?! Да я всажу меч в сердце этого чернорожего ублюдка, если он ещё хоть раз посмеет говорить со мной таким тоном! Артур, ты так и будешь там стоять и молчать?! – окончательно перешёл он на крик.

– Если мы шлюхи, то тогда Артур наш... – вышедший из раздумий Фарли попытался сбить накал шуткой. Оглядев угрюмые лица соратников, он понял – не вышло.

– Всё? Наговорились? – тихо произнёс Артур. – Теперь слушайте меня. У нас есть приказ. Добраться до Бреннена и получить дальнейшие указания от Радного. Сообщать или нет о поведении магов воеводе Талку, я решу после окончания похода.

Услышав это, Кэс со стоном повалился на лежак. Если воевода что-то решил, это решение мог изменить только сам воевода. А сейчас выходило, что он наотрез отказывался докладывать о вопиющих нарушениях магов-высочек. «После похода» могло также означать «никогда».

– Однако копаться в головах моих воинов я считаю личным оскорблением. Этого прощать нельзя! Но сейчас наша главная задача – Холм! До окончания похода я приказываю всем забыть поведение этих сударей сегодняшней ночью. На собрании дружин говорили, что в Бреннене есть придворный чародей. Это большой и богатый город, могу поспорить, их парень ничуть не хуже этих столичных. Игнаций, по прибытии с Кэсом находите его и ведёте ко мне. Нам будет о чём потолковать.

Игнаций отсалютовал рукой на плече, Кэс оживился, сообразив, что рано отчаялся и зря заподозрил воеводу в бездействии.

– Фарли, Ром, вы со мной на совет к Радному. Теперь с тобой, – Артур повернулся к Аксену. – Если ещё раз нарушишь приказ, можешь попрощаться с Серебряными! Отпишу тебя в Железный легион. Ты меня понял?

– Понял, – буркнул Аксен, убирая нож.

– От то-то дело! – хмыкнул Игнаций. – Молодцом, старшой!

– Молодцом, молодцом! – закивал Фарли. – Вот и разобрались. Артур, тут в деревне одна доярочка...

– Приказ: отбой, – отрезал Артур.

– Старшой, уже семь дней в пути!

– Десятник, вам не понятен приказ?

– Приказ «отбой» выполняю, – опустил голову молодой десятник и побрёл к своему лежаку.

Улёгшись рядом с братом, Фарли привычно замычал «А ну, Алёнка, ножки врозь» – неформальный гимн всех борделей Эделии. Память живо предоставила всё разнообразие женских прелестей, виденных им за его неполные двадцать шесть лет.

– Кэсси, Кэс! Как думаешь, бабы в Бреннене дорого берут?

– В займы я тебе больше точно не дам, – буркнул Кэс. – Дай уже поспать. Я хочу уснуть до того, как наш громоизрыгатель начнёт своё еженощное выступление.

– Поздно! – хохотнул Фарли.

Кэс застонал и, затыкая уши, натянул рубаху на голову: храп Рома начал волнами разливаться по палатке.

– Нужно будет и для нашего храпуна заклятье какое достать, – пробормотал он, поворачиваясь на другой бок.

– Ладно. Спи, – улыбнулся Фарли и закрыл глаза.

Образ молоденькой полнотелой доярки из близлежащей деревеньки возник перед его взором. Воображение приделало простышку в бесстыжее полупрозрачное платье и заставило её медленно раздеваться в танце, томно смотря в глаза хозяину фантазии. Обнажая свои сочные груди, девушка похотливо изгибалась, призывая действовать.

Неожиданно языки пламени охватили прелестницу, и она преобразилась. Теперь на Фарли смотрела высокая магичка из Центральной Ладосской ячейки. Абсолютно нагая, она подошла к нему и, притянув к себе, начала жадно целовать. Два разгорячённых тела слились в объятьях и повалились в густую траву. Магичка прильнула к Фарли, и он ощутил огонь её тела. Обезумевший витязь задыхался от восторга. Казалось, все чувства обострились многократно. Ни с одной женщиной он не испытывал такого наслаждения.

Где-то вдалеке заиграла музыка и послышался голос Эбинайзера Кина, напевающий бордельный гимн Эделии. Голос становился всё громче и громче. Он буквально грохотал над изнемогающими от желания любовниками.

«Ножки. Покажи, Алёнка, ноженьки. Разведи, Алёнушка, свои ножки врозь...»

Фарли не обращал внимания на музыку. Закрыв глаза, он полностью растворился в экстазе.

«Ножки. Покажу тебе я ноженьки. Разведу для тебя я ноженьки. Разведу их врозь...»

– Ни одной деревенской девке никогда не сравниться со мной! – выкрикнула Присцилла.

– Никогда. Никогда! – вторил ей Фарли.

– Смотри! Смотри на меня! Я хочу, чтобы ты видел моё роскошное тело!

Открыв глаза, Фарли в ужасе издал истошный крик. Вместо прекрасной длинноволосой красавицы на него, ехидно улыбаясь, смотрел Эбинайзер Кин. Ошалевший десятник принялся отчаянно вырываться из-под темногоже амбала, но тот, безумно хохоча, прижал его к земле. Влажный язык оставил зловонный след на щеке, повергнув Фарли в трепет. Кошмарнее всего было то, что он продолжал чувствовать невероятное блаженство, разливающееся по телу, и уже был готов выплеснуть его наружу.

Неожиданная резкая боль выдернула его из сна: удар локтём в бок спас незадачливого бабника от позора.

– Хорош стонать! – пробурчал Кэс. – Каждую ночь одни бабы на уме.

Сердце Фарлинигана стучало как бешеное, тело содрогалось от испытанного блаженства и ужаса. Осознав, что всё это было лишь сном, он со стоном выдохнул и закрыл лицо ладонями.

– Кэссади, братуша... Ты просто спас меня. Хвала Трём! Это сон. Это был всего лишь сон!

С трудом успокоив дыхание, он приподнялся на локтях. Вокруг все спали. Через белую ткань палатки просматривались первые рассветные лучи. Уже скоро дозорный примется орать «подъём», а воевода начнёт их поднимать и того раньше. Тихо выругавшись, Фарли изо всех сил зажмурился, прогоняя кошмар и гадая, был ли он вызван кем-то из магов или его собственным буйно разыгравшимся воображением. Заснул он на удивление быстро.

Совет Десяти

В верхнем зале самой высокой башни Магической Семинарии Ладоса, где старейшины Магических Родов веками решали судьбы лежащего у их ног мира, десять высоких фигур в длинных балахонах восседали на белоснежных тронах с уходящими под потолок спинками.

В центре зала, в воздухе, висел огромный прозрачный кристалл. Сейчас в его ярком сиреновом свечении можно было разглядеть расплывчатый силуэт Райзера Ландела, замкового мага города Бреннен, расположенного далеко на юге Империи.

Ландел сильно нервничал. Ему ещё ни разу не доводилось присутствовать на Совете Родов, к тому же было заметно, что сам доклад для него явился необычайным сюрпризом. Он отчаянно пытался привести в порядок взъерошенные, зеленоватого оттенка волосы, а застёгнутый не на ту пуговицу засаленный сюртук представлял собой почти комичное зрелище. Наконец маг откашлялся, поклонился до земли, робко заглянул в свой измятый папирус и, сильно заикаясь, начал доклад:

– Д-долгих лет и з-здравия старейшинам Великих Родов Империи. Д-да не зайдёт их свет в веках.

– Продолжайте, – раздался чей-то нетерпеливый голос.

Докладчик вытянул шею, тщаь распознать говорившего, но быстро осознал бесполезность своих поисков, вновь кашлянул и продолжил:

– Н-на интересующей нас территории, именуемой чернью Б-бесов Холм, д-действительно наблюдаются сильнейшие к-колебания Тёмного Источника. Как мы и п-предполагали, к-колебания вызывают т-три ворожеи. Хочу отметить, что столь масштабные п-пульсации не характерны для волшбы д-диких. Зафиксированные мною д-движения говорят о явном п-присутствии некоего артефакта или с-сущности, намного п-превышающего по силе их заурядные заклятья. В п-прилегающих к холму з-землях вместе с незначительным п-падежом скота и г-гибелью урожая вчера мною отмечены несколько случаев н-некромантии.

Ландел замолчал, ожидая ответа на высказанное. Десять фигур безучастно продолжали сидеть на своих местах. Он откашлялся, ещё раз сверился с заготовленным текстом и продолжил:

– В лиге от г-города на погосте несколько жуков и мух...

– Ещё что-то отмечено было? – прервали его.

Бедолага занервничал с новой силой, от чего стал заикаться пуще прежнего:

– Эээм... Да. Рыбаки отмечают, что г-гниющая рыба... Г-глаза рыб, б-белая плёнка и...

– Достаточно! Ещё что-то?

– Я, я п-просто хотел обратить ваше внимание на д-данные случаи, – попытался оправдаться бренненский маг. – Из всего мною с-сказанного можно сделать вывод, что вместе с ворожеями на Б-бесовом, ну, скорее всего, д-действуют п-приверженцы культа Смерти, может б-быть.

– Оставьте заботы делать выводы нам, сударь Ландел, – тихим, но слышным для всех присутствующих голосом перебил его один из сидящих. – Продолжайте.

– П-прошу ув-важаемых старейшин великодушно п-простить мне мою с-смелость. Я... я п-подробно изложил все имеющиеся у меня ф-факты п-прибывшей из столицы п-пятёрке. Эбинайзер Кин изъявил желание остановиться в з-замке и завтрашним же утром отп-правиться на Холм. Отчитаться старейшинам планирует сам Кин. – Ландел замолчал и склонил голову.

– Благодарю за проделанную работу. Ваш доклад окончен. Вы свободны.

Маг ещё раз низко поклонился. Кристалл ярко мигнул и погас, безжизненной глыбой застыв в центре зала.

– Ну что же, сдаётся мне, старая Бритта была права, – произнёс маг в золотом балахоне.

– Старая Бритта выжила из ума, – перебил его чародей, сидящий напротив. – И если ты, Истиан, веришь в её сказки, то ты тоже недалёк от сумасшествия.

– Я прошу вас, судари, соблюдать элементарные приличия, – поднял вверх палец маг в ярко-красных одеждах. – Хочу вам напомнить, что именно для тщательной проверки мнения уважаемой Бритты Ладос и направил на Холм Центральную ячейку. Я могу понять беспокойство Истиана, ведь в этом походе занят его сын, талантливый юный чародей и надежда их рода.

– Хотела бы поддержать беспокойство старейшины Галлана, – вступила магичка в изумрудном. – Год за годом мы наблюдаем, как Великий Источник, являющий всё магическое воплощение нашего мира, слабеет. В свою очередь Тёмный, о котором мы так мало знаем, всё чаще и чаще проявляет себя. Его колебания явно разрастаются, и я тоже считаю, что происходящее на юге как-то с этим связано. Некромантия и Тень на Источнике. Вы не хуже меня знаете историю и понимаете, чем это может быть вызвано. Также хочу напомнить, что под тем холмом находится хоть и запечатанное, но одно из Мест Силы.

– Да, да, да. «Трое забытых восстанут и первым из них Вечный Мертвец. Не будет тогда мира тварям живым, ибо мёртвых тела покоя не знают», – нараспев процитировал строчки древнего пророчества маг, сидящий напротив Истиана. – Песнь стара и покрыта паутиной. Переживания сударыни Местраль беспочвенны. Хотя я не удивлён. Не припомню, чтобы она хоть когда-то шла наперекор Галлану.

– Забываешься, Мюриэл! – Взгляд Истиана блеснул золотом. Кристалл в центре комнаты ожил и засветился, отмечая мощный магический всплеск. – Тебе стоит следить за своим языком и более соответствовать благородному Роду Листон.

– Судари, – прозвучал голос мага в красном. – Я взываю к вашему благоразумию. Нет необходимости в ссорах. Наш Совет был создан для урегулирования конфликтов, а не для разжигания оных.

– Род Невен издревле отличался миролюбием. Приношу главе Рода Местраль мои извинения. Бернардин, клянусь, я не хотел тебя обидеть. Мои комментарии были излишне резки.

– Извинения главы Рода Листон приняты, – бросила Бернардин.

– Но всё же я хочу напомнить всем, – вновь взял слово Мюриэл, – Место Силы под Бесовым – мертво. Там уже нет ничего интересного. Хотя соглашусь, такие места притягивают к себе всевозможных фанатиков, мнящих себя очередными Тёмными Мессиями. Клянусь всеми кристаллами Ладоса, изумление на лице сопливого некроманта будет велико, когда он увидит Серебряную дружину с Центральной ячейкой, явившихся по его жалкую душу.

Это замечание вызвало сдержанные смешки и улыбки всех без исключения присутствующих.

– Судари и сударыни старейшины, отчёт Эбинайзера Кина ожидаем завтра. Совет по Бесовому Холму на этом окончен, – подвёл черту Невен. – Истиан Галлан просил слово. Прошу.

– Благодарю, Себастиан. Как вам всем известно, последние пять лет я изучаю причину активизации Тёмного Источника и его влияние на Светлый. Разделяющее их заклетье, сотворённое нашими предками, ослабло. За последние десятилетия изменения стали слишком велики, чтобы их можно было игнорировать. В связи с этим я бы хотел просить Совет рассмотреть возможность усилить древние чары, дабы остановить проникновение запретной энергии в наш мир.

– Сударь, разрешите задать вопрос, – произнесла магичка в медных одеяниях. – Доподлинно известно, что те же ворожеи, будучи от рождения связанными с Тёмным Источником, постоянно пробивают бреши в заклетье Барьера и так или иначе получают доступ к запретной Силе. Но эти вмешательства столь незначительны, что не несут глобальной угрозы. Что же изменилось теперь?

– Сказанное вами верно, сударыня Фарриан. Эти, – Истиан на мгновение задумался, ища подходящее слово, – естественные процессы не могут полностью контролироваться нами. К тому же со временем Барьер сам закрывает эти прорехи. Но последние изменения можно без преувеличения назвать масштабными. Ворожеи на такое просто не способны или не были способны до недавнего времени, и потому сейчас необходимо наше вмешательство.

– Для обновления заклатья Барьера потребуются сотни истинных кристаллов, – вступила магичка в лазурных одеждах. Она единственная скрывала лицо за шёлковой, расшитой золотыми нитями полумаской. – Дерек Неоттон уже не раз сообщал, что рудники Слайбьёрна практически истощены. Мы не можем растрачивать бесценный ресурс, основываясь лишь на твоих теориях, Истиан.

– Доказательства моих теорий я предоставлю, достопочтенная Ивес, – улыбнулся Истиан. – Помимо всего прочего мне удалось разработать ритуал, можно сказать, систему, помогающую отследить личину человека или нелюдя, контактирующего с Тёмным Источником. Но обо всём этом я подробно расскажу на завтрашнем Совете.

– Считаю, что в твоих рассуждениях действительно есть доля истины, – задумчиво проговорил Листон. – Я сам уже давно обеспокоен происходящим. Заклатья становятся всё сложнее контролировать. Из Семинарии приходит всё больше жалоб, что ученикам трудно плести и контролировать чары. Боюсь, это связано с усилением влияния Тёмного Источника. Я поддерживаю просьбу главы Рода Галлан собрать завтра Совет. Я сам непременно буду присутствовать на нём и призываю глав всех Родов не игнорировать столь серьёзную тему.

Остальные чародеи встали со своих мест и склонили головы в знак согласия.

– Благодарю вас, – поклонился Истиан.

– Судари и сударыни старейшины, доклад Истиана Галлана о влиянии запретного Источника назначен на завтра и будет заслушан после доклада Эбинайзера Кина, – озвучил общее решение Себастиан Невен. – На этом всё.

Десять фигур ещё какое-то время стояли на своих местах. Затем одна за другой начали тускнеть, превращаясь в марево, а после исчезли вовсе. Зал опустел, и лишь погасший кристалл, безучастный к судьбам мира, остался парить в воздухе.

Бренненский воевода

Утром витязи Эйхарда привычно быстро свернули лагерь и отправились дальше, миновав безжизненную палатку магигов. Ждать столичных или предупредить их об отъезде у Артура не было никакого желания, а в том, что они так или иначе нагонят дружину, он нисколько не сомневался.

Вскоре после полудня на горизонте заблистали шпили замка Бреннена. На одном из них ветер трепал лазурный с рыжей каймой стяг Лестора: золотая корона, обрамлённая десятью кристаллами, красовалась в его правом верхнем углу, герб княжества, ошетилившийся рыжий лис, защищавший кошель с монетами, расположившийся по центру, служил напоминанием о Торговой гильдии, обладающей в Лесторе большей властью, чем князь или сам Император.

Даже выплачивая положенную четверть от доходов в столицу, Торговая гильдия оставалась в приличном наваре. Этого ей с лихвой хватало, чтобы полностью подкупить Тайную канцелярию Ладоса, имевшую компромат почти на каждого мало-мальски значимого чиновника в Эделии. Шпионам канцелярии были ведомы все позорные секреты знати и открыт доступ к самому Императору. Совет Магических Родов и Семинарию как будто бы устраивал такой расклад. Главное, что казна пополнялась регулярно и в срок, а главы Торговой гильдии, воспользовавшись своим положением, сделали Лестор практически ни от кого не зависимым княжеством.

Город Бреннен, расположенный на левом берегу главной транспортной артерии Империи, полноводной реки Орм, расходился веером от крепостных стен замка: высокие дома с крытыми черепицей крышами, торговые лавки, разбросанные там и тут, и огромная торговая площадь в центре города. Две богатые таверны справа и слева от площади своими расписными фасадами и витражными окнами завлекали путников, обещая за имперские золотые все удовольствия юга.

За городом ветряные мельницы оседлали высокие холмы с расчерченными на ровные квадраты пшеничными полями. На берегу чадила кузница, которая своими размерами могла посоперничать с иными кузницами столицы. Удалённость этих земель от центра Империи заставляла местного воеводу заботиться о вооружении дружины своими силами. Оружие нужно было всегда – и много.

Торговый порт, своими складами подпирающий стены замка, служил главным источником доходов города. Купцы разгружали здесь редкие для юга железные руды, драгоценные камни, корабельный лес и пушнину. Взамен увозя фрукты, орехи и изысканные вина. А также драгоценные масла растущих только в этом климате редких трав и цветов, необходимые для парфюмеров и лекарей. Всё это по Орму отправлялось в торговый город-порт Арт-Беннет, находившийся в двух сотнях лиг на север. По сути, Арт-Беннет являлся двумя городами, слившимися в один. Беннет стоял на территории княжества Черестин, имел выход в Бескрайнее море и принимал суда купцов далёких Вечноцветущих островов с редкими, изысканными товарами. Арт принадлежал Лестору и отправлял эти товары по всей Империи.

Игнаций, пришпорив скакуна, поравнялся с Артуром.

– Артур, может, отправить Аксена с Фарли и Кэсом на ночь в таверну? Я не знаю, что он может вытворить в замке. Ему нельзя видаться с Радным, а так они за ним присмотрят.

– Нет. С походным жалованьем на руках отправлять Фарли к местным девицам не лучшая идея, а Кэс один не справится. К тому же таверна не самое подходящее место для озлобленного воина. Там он действительно натворит бед.

– Можно отпустить с ними ещё десяток ребят.

– Нет, дружину разбивать не будем. Аксен справится.

Появление Серебряной дружины в городе вызвало переполох среди его жителей. Витязи в блестящих на солнце кольчугах и шлемах с направленными в небо остриями копий по широкой главной улице направлялись к замку. Люди высовывались из окон, чтобы поглазеть на ладосскую военную элиту. Уличные зеваки кричали приветствия, бросали под копыта лошадей цветы, желали здоровья воинам и Императору. Городские мальчишки путались под ногами, галдя и размахивая палками-мечами. На пятёрку, ехавшую позади дружины, народ косился с опаской. Лиц магов за плотными капюшонами не мог разглядеть никто.

Дружина подъезжала к замку. Окружённый со всех сторон стенами из хорошо подогнанных в два ряда валунов, он угрюмой серой громадиной нависал над городом, являя собой крепкий, надёжный форпост на юге Империи, и легко мог разместить четыреста человек дружины Амоса Радного и всю его обслугу. Двое тяжёлых окованных железом ворот смотрели на север и на юг, подъёмный мост служил входом со стороны порта.

Стража северных ворот ожидала Серебряных и беспрепятственно пропустила их. Миновав конюшню, витязи почти сразу въехали на небольшой дворик, где в приветственном поклоне их встречал невысокий человек в длинном лоснящемся платье.

– Судари витязи, прошу пожаловать в замок Бреннена, – тоненьким голоском протянул встречавший. – Нильф Нэммис, старший дворовый при Амосе Радном.

– Артур Эйхард, воевода Сорок Девятой Малой Серебряной, – кивнул Артур.

– Воевода дал указ препроводить вас к нему, как только вы прибудете, – поклонился ещё раз Нэммис. – Южная казарма и конюшня в полном распоряжении ваших воинов. Служки, – он указал на двух ребятишек лет десяти, – ждут ваших приказаний.

– Аксен. Бери пацанов – и к южной. Лошадей не рассёдлывать. Посмотрим, что скажет Радный.

Аксен коснулся рукой плеча и, выкрикивая приказы, вместе с дружиной и двумя служками покинул дворик.

– Ром, Фарли – за мной, – приказал Артур. – Нэммис, прошу вас прислать кого-нибудь, кто покажет моим десятникам, как найти вашего замкового мага. – Он жестом указал на Игнация и Кэса.

– Замкового мага? Разумеется. Судари витязи, оставайтесь здесь. Я пришлю кого-нибудь, кто проводит вас к чародею Ланделу.

Игнаций вздохнул и, не стесняясь, присел на ступеньки. Старая рана в ноге с каждым днём этого перехода беспокоила его больше и больше.

– А сударей наших магов, надо полагать, мы, как видно, потеряли где-то по дороге, – хмыкнул Кэс.

* * *

Пройдя по широкому коридору мимо двух стражников, закованных в полные панцирные доспехи, Артур с десятниками вошёл в тронный зал. Дневной свет, проходя через закрытые наглухо окна, достаточно освещал его, но всё же на стенах чадили десятки факелов, умножая духоту. Зал был сплошь увешан картинами с изображением сцен сражений. На центральной, висевшей над возвышением с тронном, витязи в кольчугах с красными щитами, вооружённые копьями, теснили в болота нестройные ряды орков. Лица дикарей были перекошены от ужаса, некоторые из них стояли на коленях с протянутыми в мольбе руками. В центре картины на ослепительно-белом коне возвышался всадник. Одной рукой он держал огромное копьё, прокалывая сразу трёх орков, а в другой сжимал боевой рог. Фигура всадника занимала добрую половину картины, выделяясь на фоне остальных витязей. Разорванная на груди кольчуга оголяла могучий, играющий мышцами торс, ветер вздымал гриву золотых волос, из глаз сыпались молнии. Конь богатыря топтал серокожих дикарей копытами.

Амос Радный сидел на троне из бурого железного дерева. Мастерски вырезанные головы скакунов заменяли подлокотники, в обитую красным бархатом спинку были врезаны десяток копий, а основанием служили клыкастые черепа орков. Такое седалище было под стать героям сказок и легенд, повергающих врагов в бегство одним лишь взглядом, но никак не простому замковому голове.

Толстые пальцы с золотыми перстнями покоились на необъятном животе Амоса. Драгоценные камни в кольцах поблёскивали огнём. От когда-то золотой гривы осталась лишь память – воевода был полностью лыс. Огромные щёки безвольно висели, а бордовый от долгих лет возлияний раздувшийся нос довершал картину погрязшего в чревоугодии и блуде семидесятилетнего старика. Хотя, при большом желании, всё ещё можно было угадать в этой раздувшейся туше некогда могучего витязя, но ни у подчинённых Радного, ни тем более у его жены такого желания давно не возникало.

По его правую руку стоял небольшой столик с огромным кубком, до краёв наполненным мутным вином. За тронем две молодые женщины в украшенных изысканной вязью кожаных доспехах молча наблюдали за прибывшими. Лица говорили об их несомненном родстве, разрез глаз и заострённые уши выдавали в них эльфиек.

– Приветствую верховного воеводу Бреннена, – склонил голову Артур. Фарли и Ром повторили этот жест.

– И тебе здравия, воевода, – протянул басом Радный.

Артур приблизился, достал свиток с приказом и протянул его Радному. Бросив взгляд на девушек, он заметил за их спинами тонкие искривлённые клинки в ножнах. Эйхард вопросительно посмотрел на Радного.

– Нанялись три дня назад, – отмахнулся тот. – Нелюдям сейчас тугο. А этим девкам что шлюхами в бордель, что в наёмники. Благо хоть мечами махать умеют. Ни у одного воеводы во всём Лестере нет эльфских наймитов, даже у князя! – довольно захохотал Радный.

Развернув свиток, он пробежался взглядом и отдал его одной из эльфиек.

– Ну что же, Эйхард, слушай меня. Мои следопыты докладывают, что несколько диких ведьм промышляют на Бесовом Холме. Это земли Ван-Алли, но находятся всего в нескольких лигах отсюда. – Радный приложился к кубку с вином, громко чмокнул и продолжил. – Полоумный Уайат, который стоит там князем, не может даже посрать без посторонней помощи, не то чтобы собрать рать в поход. У него на всё княжество найдется едва ли сотня конных. И все они мелкими отрядами гоняют тамошнюю лесную вольницу. Беспомощные идиоты!

Он осушил кубок с вином до дна и жестом приказал налить себе ещё – эльфийка справа подчинилась.

– Так вот, я бы мог хоть сегодня поднять свои четыре сотни, и тогда ещё до заката головы этих ведьм, измазанные говном моих собак, были бы насажены на пики моего замка. Из-за их тёмного колдовства в мои леса пришли чёрные волки. Они не боятся подходить к жилью, драть скот и даже нападать на крестьян! Рожь пожирает какая-то мошкара. Рыба в реке гниёт заживо. И всё это из-за трёх сраных старух! Имперские судари маги приказывают моим войскам не соваться на холм и просто ждать, пока Серебряные соблаговолят явиться и спасти нас! – Он швырнул недопитый кубок в стену, тот, звякнув, упал на пол.

Артур проводил кубок взглядом и бесстрастно повернулся обратно к Радному.

– К тебе, Эйхард, у меня претензий нет. Знаю, ты просто выполняешь приказ, – смягчился Амос. – И я благодарен за то, что вы дошли раньше срока. Райзер, мой замковый маг, говорит о какой-то Тени, так он её называет. Говорит, мол, пытается её разогнать, да только выходит у него херово. Становится только хуже! Я не знаю, на кой ляд им этот холм, но раз вы тут, это уже ваше дело. Я приказываю достать этих тварей из-под земли и привезти мне их головы, Эйхард. Завтра же!

Артур ответил рукой на плече.

– Выполним, сударь воевода.

– Не сомневаюсь, выполнишь. Твой отец служил в моих сотнях на Урусских. Помнится, знатный был рубака. – Радный наклонился вперёд, насколько позволял живот, и оглядел Артура с ног до головы. – Я слышал, он так и не оправился от ран?

– Не оправился, но умер он не от ран. Красная лихорадка болот иссушила его.

– Да, многих храбрых витязей забрало это красное говно. Но вернёмся к живым. – Радный хлопнул себя по необъятным ляжкам. – Завтра я дам тебе пять моих лучших егерей. Они проводят вас до холма. Уверен, план действий с имперскими чароплётами ты уже обсудил?

– Да, – усмехнулся Артур, – обсудил.

– Ну и хорошо. Приказ на завтра есть, а сегодня вечером приглашаю тебя и твоих десятников ко мне на пир. – Амос откинулся на троне, тот издал жалобный скрип под его тушей. – Будем вспоминать былые походы и петь старые гимны. Вино, хвала Трём, у нас пока не киснет, да и бабы ещё дают! – Он разразился громким смехом и зашёлся в кашле. – Свободен!

Артур улыбнулся в ответ, развернулся и направился к выходу, Ром и Фарли вышли вслед за ним.

Картины Разума

Невысокая девчушка, босая и в коротеньком сарафане цветов княжества Лестер, вела Игнация и Кэса к небольшому жилищу замкового мага. Эйрин, так она представилась десятникам, за весь путь не проронила ни слова, боясь даже посмотреть на них. Она уверенно ориентировалась в узких закоулках крепости. Пройдя конюшню голов на пятьдесят и миновав тренировочное поле с деревянными манекенами, на котором отрабатывали приёмы с мечом воины Радного, Эйрин наконец привела десятников в северо-западную часть замка, где стоял небольшой дом из белого камня. Он резко выделялся на фоне серо-чёрных строений по соседству. В доме было лишь одно окно, а единственная дверь того же цвета, что и стены, не сразу позволяла глазу себя обнаружить.

Эйрин указала на дом, развернулась и побежала по своим делам. Кэс с улыбкой посмотрел ей вслед.

– Кэс. Кэссади! Ты где? О чём задумался?

– Да сестрёнку вспомнил. Она сейчас как раз была бы такого возраста.

– М-да, – вздохнул Игнаций. – Слишком многих забирает эта чума с Урусских. Слёз не хватит.

До дома Райзера оставалось всего несколько шагов, когда дверь медленно открылась и навстречу вышел молодой паренёк в золотом плаще с голубой оторочкой. Он откинул с лица капюшон, и два ярких золотых глаза уставились на десятников. Они, казалось, впитывали солнечный свет и с каждой секундой становились всё ярче и ярче.

– Приветствую вас, судари витязи, – озорно произнёс парнишка. – Какое дело привело вас сюда?

Десятники удивлённо переглянулись, увидев молодого чародея, с которым они проделали весь путь от Ладоса.

– Сынок, воевода Эйхард приказал нам доставить к нему замкового мага, – нахмурился Игнаций.

– Райзер Ландел отлучился. Он вызван на совет десяти Родов, в Ладос. Через кристалл, разумеется. Это займёт какое-то время. После его возвращения воевода Эйхард сможет обсудить с сударем Ланделом все насущные вопросы.

Кэс недовольно хмыкнул. Игнаций смотрел на мальчугана, тот, не отводя взгляд, смотрел на него.

– Хорошо, – протянул Игнаций. – Какое-то время, значит?

– Не больше.

Игнаций поморщился, коснулся рукой бедра – боль от старой раны становилась всё сильнее.

– Я могу вам помочь с этим, – лукаво прищурился паренёк, указав на ногу ветерана. – Быстро и просто. Хотите?

– Не трать время попусту, сынок. Ладосские жрецы накладывали не одно заклятье на эту рану, а толку было, что от коня в погребе.

– Смотрите на меня и дайте руку.

Кэс было потянул за плечо старого воина, но Игнаций лёгким жестом остановил его и с натянутой улыбкой наклонился к играющим золотом глазам.

Потомок Рода Галлан сжал протянутую руку в ладонях, и калейдоскоп воспоминаний ветерана нескончаемым потоком хлынул ему в голову. Он отбрасывал ненужные с невероятной быстротой, практически не обращая на них внимания. Война, походы, казармы, костры, палатки... Таверны, женщины, застолья, пьяные друзья... Лица плачущие, смеющиеся, искажённые гневом, предсмертной агонией... Семья, жена с дочкой на руках, мать, рыдающая над

телом отца... Снова бой. Злость, агония, ярость битвы... Тут Иллиан сосредоточился. Поток картин замедлился, ему стали яснее видны отдельные сцены войны.

Ряды конных витязей с низко опущенными копьями врываются в неплотный строй ополченцев, вооружённых вилами, ржавыми мечами и колунами – не то.

Чёрный дым застилает солнце. Ладьи с окованными железом носами таранят пузатые, широкие баржи. Паруса пожирает пламя. Люди и орки горят заживо и, надеясь на спасение, бросаются в беснующиеся волны Бескрайнего моря – не то.

Полная кровавая луна висит в небе. Чёрные, искажённые яростью лица орков. На клыках бурлит кровавая пена. Огромные двуручные мечи обрушиваются на плотный строй красных каплевидных щитов.

«Держать строй! Сомкнуть щиты! Держать строй, сукины дети!»

Чёрные орочи рога хрипло трубят наступление – не то, всё не то.

Он продирается дальше через кровавые сцены убийств и безумие войны.

Яркое солнце. В безоблачное небо шумно врываются тучи стрел. Смотрящие в небо глаза выхватывают из роя одну. Красный щит стоящего справа неплотно прилегает к его щиту, оставляя стреле шанс. Свист нарастает. Стрелы с глухим стуком барабанят по щитам, и та, одна, находит незащищённое место. Боль, пронзающая бедро, бросает воина на землю. Его собственный крик перекрывают крики сотников.

«Держать строй!»

Вот оно! Магический Поток в голове Иллиана колышется и разрастается. Фокусируясь на воспоминании, юный маг вытягивает картину ранения из памяти тела ветерана, погружает её в Источник и растворяет навсегда.

Игнаций моргнул. Ему показалось, что прошло лишь мгновение. Тем временем парнишка лукаво глядел на него.

– Я полагаю, теперь всё, сударь Фрост?

– Забери меня Трое! – выдохнул Игнаций.

– Что такое, старый? – спохватился Кэс.

– Нога... Больше не болит.

– Всех вам благ, судари военные, – подмигнул Иллиан и исчез за закрытой дверью.

– Забери меня Трое, – повторил Игнаций.

– Слышь, старый, а откуда этот шкет узнал твоё имя?

Кровь на пиру

Солнце стояло высоко в небе. Артур сидел в тени, облокотившись на прохладную стену. Он скинул кольчугу и поддоспешник, оставшись в белой, расшитой красными узорами льняной рубахе. Его Серебряные заняли южную казарму, рассчитанную на сотню воинов. После семидневного перехода витязи были несказанно рады шансу поспать на настоящих, хоть и армейских койках. Еда от пуза и несколько бочонков вина, присланных Радным, сделали своё дело: в казарме слышался смех, тосты за местного воеводу и его благочестивую мамашу, воспитавшую мужика что надо. До Артура долетели слова молодого Харригана, который, будучи уже сильно навеселе, клялся самолично отрубить головы ведьмам и на пике донести их до самой столицы на инспекцию воеводе Талку. Дружный гогот и одобряющие крики раздались в ответ. Артур улыбнулся. Молодость – великая сила. Из-за поворота вышли Игнаций с Кэсом и, приветственно махнув, подошли к нему.

– Что с магом? – спросил Артур.

– Херово, – повалился на стог сена под навесом Кэс. – Сударя мага сейчас дома нет. Будут к вечеру, тогда и приходите.

Артур вопросительно взглянул на Игнация. Ветеран отмахнулся и, скривившись, потёр привычным жестом правое бедро, но старая рана больше не болела, более того, нога как будто бы помолодела лет на тридцать. Это странное чувство сбивало его с толку и не давало сосредоточиться.

– К лешим этих магов! – хлопнул себя по колену Артур и поднялся. – После свидаемся. На холме действительно лютуют ведьмы. Фарли расскажет. Радный даёт нам егерей в провожатые. Пока будем считать и это за радость. Я на боковую. После заката Радный устраивает пир в честь нашего прибытия. Всем десятникам быть.

– Аксен? – спросил Игнаций.

– Передайте Фарли и Рому, чтобы на пиру следили за ним в оба.

– Хорошо. Мы тоже присмотрим. – Ветеран бросил взгляд на Кэса, тот молча кивнул в ответ.

* * *

Шестеро в парадных рубахах и красных шароварах вошли в зал. Сидеть в плаще на пиру считалось дурным тоном, но неотъемлемые для всех Серебряных десятников и воевод застёжки для плащей были на своих местах и украшали плечи витязей. Настенные факелы горели ещё ярче, нагревая и без того спёртый воздух. На полу красовались дорогие шёлковые ковры. Тяжёлые, расшитые серебром сине-рыжие портьеры скрывали закрытые, несмотря на тёплый вечер, окна.

Сотники и десятники Радного занимали два центральных стола. Все они были ветеранами последней войны с орками и после повышения своего воеводы последовали за ним в Бреннен. Опытные воины быстро навели порядок на новых подвластных им землях. Радный своими четырьмя сотнями конников почти полностью уничтожил движение Вольных и держал в страхе местный разбойный люд. Многочисленные роптания на непосильные налоги, приходящие от крестьян и кустарей князю, не рассматривались вовсе: безопасность региона Империей ценилась превыше всего.

У левой стены стоял стол для жён старших чинов. Во главе него сидела жена Радного Сандина. Эта женщина средних лет в тяжёлом роскошном платье пустым безучастным взором смотрела перед собой. За военные заслуги Радного на Кадал-Урусских островах она была

отдана ему в жёны. Две сестры одной из богатейших фамилий Лестора были лакомым куском для любого охотника за невестами. Но если старшая из сестёр, Латмира, сидела подле своего горячо любимого князя в столице Лестора Фомерстаде, то Сандине досталась участь трофея. Грубый и вечно пьяный новоиспечённый воевода Бреннена не любил свою жену. При своём новом положении он без труда мог найти себе женщину на ночь и отдавал предпочтение молоденьким служанкам и городским шлюхам. Время шло, и чем старше становился Амос, тем моложе становились его любовницы. Вот уже несколько лет его желания заставляли возлежать с ним даже не девушек, но детей. Он делал это, ничуть не таясь ни от своих подчинённых, ни от жены. О её чувствах он вообще не заботился. В замке, кроме двух служанок, приставленных к Санине, вообще никто не обращал на неё внимания, и она смирилась с судьбой, давным-давно перестав выказывать недовольство по какому-либо поводу.

У правой стены расположили стол для сударей столичных магов. Радный полностью разделял нелюбовь Торговой гильдии к ладосскому Совету Магических Родов. Мало кто из Семинарии участвовал в войне на островах, а те маги, которых туда направляли для борьбы с орочьими шаманами, мало что могли им противопоставить. Так что войну, понесённые огромные потери и проявив истинный героизм, выиграли простые солдаты, служившие в Железных легионах и Серебряных дружинах Эделии. Усадив столичных магов за отдельный стол, Радный лишней раз подчеркнул их исключительность. Оскорблением считать это было нельзя, зато твёрдо давало понять, какое место отводилось им в Бреннене, да и в Лесторе вообще.

Во главе стола, возвышаясь над всеми присутствующими на своём резном кресле необычных размеров, восседал сам Амос Радный. Голова Бреннена, несмотря на духоту зала, был одет в отороченный лисьими шкурами широкий кафтан. Огромный красный рубин сиял в центре бронзовой диадемы на его лысой голове. Драгоценные камни его колец поблёскивали всеми цветами радуги. Воевода широко улыбался, оглядывая пришедших на его пир. По обе стороны от трона в своих кожаных доспехах несли молчаливую службу две эльфийки.

Серебряные, подойдя к бренненскому воеводе, отдали воинское приветствие.

– Бросьте, ребята! – поднялся им навстречу Радный. – Сегодня вечер без чинов и званий. Будем пить вино и вспоминать наши победы, во имя Света и Империи! – Он хлопнул Артура по плечам, обвёл десятников взглядом и вдруг застыл. – Клянусь Тремя Светлыми, это же Аксен Фолин!

Он подошёл к Аксену и обнял его, как старого друга. Аксен в ответ лишь покрепче сжал зубы. Радный, не замечая этого, разорвал объятия и теперь держал свои толстые руки на плечах десятника.

– Я помню тебя! Ты со своими парнями косил урусских орков, как сухую траву! Знатные были времена! – Он схватил Аксена за руку и потянул к полотну, изображавшему витязей, гнавших в болота орков. – Ты помнишь это?! Эти сукины дети умылись тогда собственной кровью! А мы гнали и гнали их и топили в болоте, как кусачих щенков! – тут уже здорово запыхавшийся Радный повернулся к сидящим за столами. – Этот человек проливал кровь рядом со мной! На наших острых копьях построен мир в Эделии! Здоровья десятнику! Здоровья и честь витязю!

Служки уже разлили вино, и теперь все, включая женщин и магов, стояли, держа кубки в руках. Радный, заматавшись, бросился к столу, схватил два железных кубка и сам наполнил их доверху. Подбежав к стоящему столбом Аксену, он протянул ему один.

– Долгих лет, старый друг! – Амос долгим глотком осушил кубок и потом с удовольствием наблюдал, как это делает Аксен. – Садись со мной! – выдохнул он и, вновь схватив Аксена за руку, потащил за собой, желая усадить рядом. Уловивший этот манёвр маг Ландел уступил своё место. Аксен, сбитый с толку и бордовый от злости и выпитого залпом вина, плюхнулся на скамью.

– Садись и ты, воевода. Рассаживайтесь, мои новые друзья! Ни один мужчина сегодня не уйдёт отсюда трезвым! Ни одна баба не останется нетраханной!

Заиграли скоморохи. Флейты, гусли и волынки наполнили зал своим переливчатым звучанием. Не слишком громко, чтобы сударям пирующим не приходилось сильно повышать голос при разговоре. Замелькали столовые, обновляя блюда и подливая гостям вино и мёд. Поднимались тосты за здоровье Императора Стридала Пенталора и всех воевод Эделии, вспоминались славные походы и погибшие в них боевые товарищи.

Столы ломились от разнообразия яств и напитков. Забитые в это утро молочные поросята, фаршированные фазанами, ровным строем расположились на богатых серебряных подносах. Приготовленная в печи нельма стояла тут же – каждая рыбина представляла собой громадину в полкантара², не меньше. Жареные лебеди плыли в горячем, исходящем от блюд пару. Политая клюквенным соусом запечённая оленина лежала рядом. Белужья икра в больших глубоких мисках соседствовала с зажаренными до тёмной корочки курами и утками. Многослойные пироги с мясом, рыбой и ягодами, картофель вареный, печёный и жареный, печёная репа и тыква довершали изысканную картину баснословного богатства земель Радного. Помимо прочего, через каждый локоть стояли большие кувшины, налитые доверху вином, пивом и красным мёдом. Зная буйный нрав бренненских витязей, на каждого едока поставили по три кубка.

Кэс, Фарли и Ром отдавали предпочтение пиву и мёду. Вино хоть и стоило в Империи дорого, воины не понимали его своеобразный вкус. Кэс по обыкновению травил байки, раз за разом срывая безудержный гогот собравшихся вокруг него бренненцев. Фарли уже успел потанцевать со всеми женщинами в зале, за исключением жены Радного. Высокий, красивый длинноволосый парень был воспринят ими более чем благосклонно. Размявшись с местными барышнями, он направил всё своё обаяние на двух скучающих эльфиек. Перспектива ночи с двумя стройными представительницами их рода будоражила ему кровь. Ром с местными вояками раскатистым баритоном тянул старые гимны, в перерывах отправляя огромные куски оленины в рот и обильно запивая их мёдом. Игнаций с ветеранами Радного вспоминал старые добрые времена, когда воеводы шли в бой первыми, а Император лично награждал каждого отличившегося в бою витязя. Не забывал он и про Аксена, время от времени поглядывая в его сторону и прислушиваясь к их с Радным разговорам.

Сам же Аксен был обречён сегодняшним вечером на общение с бренненским воеводой. Тот, не переставая, бахвалился своими свершениями в качестве головы Бреннена и после каждой истории допытывался, на какие ратные подвиги сподвигла судьба Аксена. Аксен же что-то сухо отвечал, пил один кубок за другим и едва притронулся к ломящим столы блюдам. Он с трудом сдерживал себя: мало того что ему приходилось терпеть разговоры всё больше и больше пьянеющего Радного, так ещё этот столичный темнокожий бугай за соседним столом почти не сводил с него глаз.

С Артуром хотели познакомиться решительно все сидящие за столом – воевода Серебряных как-никак. Он пожимал руки, поднимал кубки за здоровье, своё и новых знакомых, однако пил не много. Между тостами отвечал на расспросы и рассказывал об укладе жизни в столице.

Улучив свободную минутку, он встал из-за стола и, подойдя к Райзеру Ланделу, жестом пригласил его отойти. Маг, уже здорово набравшись, покачиваясь, проследовал за ним.

– Ландел, у меня к вам есть дело.

– Дела, д-дела. Д-дел у замкового мага в п-последнее время хоть отбавляй, – отмахнулся Райзер. – Мало т-того что на меня п-повесили оглядку И-источника, так теперь ещё этот холм. К-кому он нужен, я вас спрашиваю?! Но вы... Вы ведь ехали с эт-тими... семь д-дней, – переходя на шёпот, он покосился на столичных магов. – Вы их вообще в-видели? Вы видели их б-блокировщика?! Т-тот б-бледный, с г-глазищами и улыбкой висельника. Это же ч-чудовище!

² Кантар – примерно 40 килограммов.

Я... я могу п-присягнуть самому г-государю, что он больше чем один. Больше чем один, – протянул он. – Я... я не п-понимаю, как такое может б-быть! Я... я не... я не понимаю этой магии. Они на д-другом уровне. – Он положил обе руки на грудь Артура и опустил голову. – Я... Я б-боюсь их. Ч-чесн слово, б-боюсь. Сегодня напьюсь в стельку. Всё равно я им н-не нужен... Им вообще никто н-не нужен...

Язык Райзера всё больше заплетался. Артур даже было подумал, что маг сомлеет прямо тут, и с силой тряхнул его за плечи.

– Я хочу попросить тебя защитить нашу дружину от них.

– М-меня? З-защитить?

Артур почувствовал, как у Райзера подкашиваются ноги. Он подхватил его и тряхнул ещё разок.

– Послушай же, эти судари весь поход читают наши мысли. Рокуются в головах моих витязей. Мне нужно от тебя заклятье или, не знаю, оберег, талисман, что угодно, чтобы закрыть им доступ в наши головы. Ты понимаешь?

– П-понимаю, – прошептал и закивал головой Райзер. – П-понимаю. У вас же нет с-связи с Источником. Вы не видите, к-когда они смотрят вас. К-картины Разума... Картины... Значит, картины... С-сделать можно! Не заклятье, н-нет. О-оберег? Может быть. Оберег или з-зелье? Воевода! Я вам п-помогу! – наконец гордо произнёс он, положив руку на плечо Артуру.

– Бравые воины! – разнёсся по залу пьяный бас Радного.

Музыканты тут же затихли, столовые и служки замерли, все разговоры оборвались.

– Я предлагаю выпить во славу Империи! Во славу таких витязей, как я! Мы, не щадя живота, сражались, защищая границы наших княжеств! Мы своими копьями оттесняли вражин с наших земель! Я лично возглавлял славный поход на те проклятые острова! Наша рать давила оркскую нечисть, огнём и мечом сея смерть! – Радный вскинул руку с кубком над головой – добрая часть вина выплеснулась на сидящего рядом Аксена.

– Ты не послушал рулевых и завёл наши ладьи на скалы, безмозглая ты свинья! – вскочил не стерпевший этого десятник.

Артур бросил на Аксена взгляд и оглядел зал: Фарли возле окна чуть ли не в обнимку с эльфийками, Кэс и Игнаций на дальнем углу стола среди ветеранов, Ром ближе всех, в шести-семи шагах.

– Ты приказал дружинам преследовать орков по болотам! – кричал уже не помнящий себя от ярости и выпитого Аксен. – Четверть всех конных сгинула в чёрной трясине! Ещё четверть скосила лихорадка! Всем расскажи, как в захваченных деревнях мы заживо жгли детей и женщин по твоему приказу!

– Что-о?! Да как ты смеешь, щенок! – проревел Радный. Отшвыривая кубок в сторону, он чуть не упал и потянулся к отсутствующему на поясе мечу.

– Ром! – что есть мочи проорал Артур.

Ром, не думая, растолкал нескольких воинов и, моментально перепрыгнув стол, ринулся к Радному.

В этот момент Аксен выхватил левой рукой из-за спины нож, правой схватил толстое горло Амоса и вонзил в него зазубренное лезвие по самую рукоять. Одним быстрым рывком вниз и вправо он перерезал кожу, жир и артерии. Кровь брызнула ему в лицо, заливая всё вокруг. Зажимая чудовищный рваный разрез руками, Радный подался назад. Булькающие хрипы вырывались из его рта. С недоумением и ужасом смотрел он на своего убийцу. Тот даже не пытался вытереть лицо, просто стоял, покачиваясь, крепко сжимая в руке нож. Ещё мгновение воевода Бреннена держался на ногах, затем завалился на спину. Ром застыл в шаге от тела, так и не успев остановить друга.

Женские крики заполнили тронный зал. Пьяные пирующие вытаращились на тело Амоса. Кровь из горла уже не вырывалась толчками, а мерно вытекала, пропитывая ковёр.

– Убийца! Взять его! – раздался хор пьяных голосов.

– Серебряные, круг! – крикнул Артур и, сорвав со стены один из щитов, расталкивая толпу, ринулся к Аксену.

– Назад, шакалы, – повернулся к бренненцам Ром. – Каждому, кто подойдёт, я переломаю кости. Я сказал – назад!

Но было уже поздно. Ошалевшие от вина и мёда, воины замка ринулись на них, готовые разорвать на месте. Ром атаковал первым. Он плечом влетел в толпу, разбрасывая первых нападающих. Затем развернулся и длинным размашистым ударом свалил ещё одного – сломанная челюсть хрустнула, расставаясь с зубами. Сзади о его голову разбился огромный кувшин с пивом, и кровь мгновенно заструилась по затылку. Не глядя, он ударил труса локтем и проломил тому череп. Следующего Ром схватил ладонью за лицо, приподнял и ударом ноги отбросил назад, ломая рёбра. Резкий тычок головой вправо отправил ещё одного из бренненцев на пол. Дико стуча ногами по полу, тот заорал, зажимая рукой сломанный нос.

Всё это время Ром не прекращал выкрикивать проклятия и угрозы. Тут подоспели остальные Серебряные. Аксен стоял над телом Радного, не замечая происходящего. Десятники сдерживали пьяную толпу. Артур, плечом оперевшись в щит, как таран, пробивался к своим. Ром вминал кулаки без разбору в напирющую на него толпу. Он отмахивался и раскидывал от себя бывших воинов Радного, как огромный медведь отбивается от своры собак.

Совсем уже пьяный, мало соображающий, что происходит, бренненец дёрнул Рома за рукав рубахи и от удара огромного кулака ничком рухнул на пол, лишившись глаза. Холёный сотник попытался ударить в живот огромным вертелом, но Ром увернулся и с такой силой вывернул нападавшему обе руки за спину, что кости захрустели, крошась в железной хватке. Приподняв вопящего от боли сотника, он швырнул его в толпу. Несколько человек под тяжестью тела повалились на пол. Артур, заметив эту брешь, бросился в неё и, закрывшись щитом, встал плечом к плечу со своим десятником.

Выбитые зубы и переломанные кости немного остудили нападавших. Желаящих чинить самосуд поубавилось. У тела Амоса Игнаций, Кэс и Фарли как могли успокаивали разъярённых витязей. Ром стоял, возвышаясь над всеми, и тяжело дышал, рыча как зверь.

– Все назад! – рявкнул Артур.

Тут двери в тронный зал распахнулись, и два десятка воинов в полном вооружении ворвались в зал и ошетинились мечами против Серебряных. За ними вбежал распорядитель замка Нэммис.

– Государь Амос, что тут происходит?!

Оглядевшись, он увидел на ковре труп воеводы и в ужасе закрыл рот руками. Восьмерых искалеченных Ромом воинов уже оттащили к стене. Между ними, белый как полотно, метался Райзер Ландел, на ходу отдавая приказы служкам.

Из толпы вышел один из сотников Бреннена.

– Их всех нужно арестовать! Их человек убил воеводу Амоса! – указал он на залитого кровью Аксена. – А тот, – указал он на Рома, – искалечил десяток витязей и сотника Ласта!

– Убийцы! На плаху обоих! – послышалось из дальних рядов. Стоявшие впереди воины молчали, угрюмо поглядывая на громадную фигуру Рома. Тот зажимал рану на затылке скомканной рубахой, она быстро краснела от впитываемой крови.

Артур положил щит на пол, шагнул вперёд и примирительно поднял обе руки.

– Аксен Фолин – десятник Сорок Девятой Серебрянной дружины Ладоса! По уставу за любые провинности он отвечает передо мной и ладосским Судом Воевод. Я беру его под арест для передачи суду.

Послышались недовольные возгласы:

– Какие провинности?! Он убийца! Казнить его на месте! Все видели!

– Каким бы ни было преступление десятника Фолина, судьбу его может решать только суд! – обвёл всех присутствующих взглядом Артур. – Мы не вправе нарушать устав! Хочу напомнить, что расправа над обвиняемым без суда также карается, и в случае его смерти все участвующие в расправе считаются виновными в убийстве! Также добавлю, что и я сам, и мои люди будем драться насмерть, если потребуется, защищая десятника Фолина. Суд Воевод будет на нашей стороне!

Бренненцы зло косились на Серебряных, но слова устава, процитированные Артуром, произвели должный эффект, и большинство согласно закивали. Хмель выходил из разгорячённых голов. Помимо прочего кто-то негромко, но так, чтобы расслышали все, шепнул, что ещё пятьдесят Серебряных витязей сейчас расположились в южной казарме замка.

– Действия десятника Рома Строумена также будут рассмотрены ладосскими воеводами! – продолжал Артур.

– Твоя правда, Эйхард! – бросил седой бренненский сотник. – Я принимаю твои слова. Всё должно идти по порядку. Я и все сотники приедем в стольный Ладос и будем свидетельствовать в обвинении этих витязей.

– Да! Да! Правильно, Вольхим! – раздались крики.

– И я со своей стороны могу гарантировать, что по этому инциденту недостатка в свидетелях не предвидится, – встав из-за стола и улыбаясь, обратил на себя всеобщее внимание руководитель Центральной Магической ячейки Эбинайзер Кин. Других столичных магов в тронном зале не было.

Зверь

«Опять этот мир. Этот мир пропитан вонью. Вонь мешает думать. От вони не спрятаться. Воняет земля. Воняют серые камни. Много камней. Они ставят камни друг на друга. Делают себе пещеры. Большие пещеры. Воняет зелень. Ветер разносит зелёную вонь. Ветер прячет нужный запах. Запах старого врага. Запах его крови. Сладко пахнет только кровь. Кровь в этом мире повсюду.

Они пахнут сладко. Они полны крови. Их животные полны крови. Они убивают животных и едят их. Они едят мясо. Выливают кровь на землю. Они не знают силу крови. Я помню вкус крови. Я пробовал кровь раньше. Очень давно.

Свет хуже вони. От света больно голове. Больно глазам. Глаз в небе. Жёлтый глаз. Горячий глаз. Он не причиняет им вреда. Они рады ему.

В темноте светит другой глаз. Его свет не причиняет боли. Он больше жёлтого. Белый глаз. Холодный глаз. Они боятся его. Они заходят в пещеры, лишь увидев его. В темноте их пещеры светятся. Из пещер свет слабый. Из пещер свет не мешает.

Сейчас ярко светит белый глаз. Ярче, чем прежде. Человек несёт запах крови Галлана. Человек моя добыча. Сейчас он не один. Сейчас их двое. Сильные. Оба сильные. Подождать. Подождать, пока он останется один. Убить. Убить всех! Сегодня только одна смерть. Почему только одна смерть? Приказ – одна смерть. Пока – одна смерть. Потом все станут добычей!»

Незабытые чувства

– Истиан!

Обернувшись, он увидел свою давнюю подругу.

– Светлой ночи, Берни!

– Светлой, Тиан! – Она подхватила его под руку. – Наконец-то ты в Ладосе. Специально на Совет?

– Да.

– У тебя усталый вид. Оставь на время заботы. Пройдёмся?

Истиан, казалось, знал Бернардин вот уже тысячу лет и не помнил момента, когда хоть в чём-то ей отказал, ну, может быть, лишь в одном. Вот и сейчас он улыбнулся, поцеловал её руку, и они зашагали по широкой дорожке Западного сада Ладоса. Длинною в шесть вёрст, он тянулся вдоль крепостной стены и считался самым густым и живописным из всех. Семинаристы разных ступеней частенько практиковались здесь в магии: этот сад располагался вдали от дворца, знать здесь гулять не любила, да и вообще было малоллюдно и спокойно. Сад цвёл круглый год. Законы природы больше не властвовали над ним: людская волшебство нарушила их вечный цикл. Магические ритуалы наполняли землю силой, помогая деревьям и кустарникам крепнуть и разрастаться. Древесные духи, во множестве населяющие это место, благоволили людям и хоть и неохотно, но шли на контакт. Множество животных, от благородных оленей до суетливых белок, выбрали его своим домом, некоторые перелётные птицы забыли о вековых традициях и уже несколько сезонов зимовали здесь. Несмотря на глубокую ночь, сад был наполнен трелями, дразнящие запахи экзотических цветов невидимым одеялом окутывали гостей.

– Какая тёплая ночь. Такие ночи созданы для прогулок, – мечтательно проговорила Бернардин.

– Ты знала, что я здесь?

– Знала. После Совета ты всегда приходишь сюда.

– Ты права, – улыбнулся Истиан. – Этот сад полон жизни, и всё же есть что-то противоестественное в том, что мы с ним сделали. Мир стал для нас одним большим экспериментом. Мы делаем с ним всё, что посчитаем нужным, но нужно ли это миру?!

– Ах, Тиан, ты ничуть не изменился! Магия – это такая же природная сила, как и ветер, как солнечный свет, пусть и проникает к нам извне. Помнишь лекции Горана? «Магия дана людям самим провидением, и с её помощью мы обязаны делать мир лучше!» – Уперев руки в бока, Бернардин точь-в-точь воспроизвела голос их старого ментора.

Истиан прекрасно помнил своего наставника и его академический тон. Он от души рассмеялся. Бернардин снова подхватила его под локоть, и они продолжили прогулку.

– Как Бриттани?

– Всё больше времени проводит в Храме Трёх. Изучает древние манускрипты, легенды, говорит о возвращении Тёмных, о приближении конца. Её Поток иссыхает, и иногда мне кажется, что она не в себе, но я ей почему-то верю. Мне бывает так страшно, Тиан! Ещё этот Холм. Как думаешь, она права? – В голосе Бернардин проявилась тревога.

– Бритт мудрая, разумная женщина, хоть и разменяла вторую сотню. Совет ещё прислушивается к ней и отправил на Холм ячейку Кина. Он, конечно, исключительный зануда, но всё же маг первой ступени. Иллиан им просто восхищается. С ними всё будет в порядке. Не думаю, что на Холме возникнут проблемы. А даже если и возникнут, старик Горан усыпит любую нежить своими лекциями, – улыбнулся Истиан, но Бернардин вдруг отвела взгляд.

– Ты стал реже бывать в Ладосе, – горько проговорила она. – Закопался у себя на севере, а если и приезжаешь, то день-два – и назад. Мне тебя не хватает.

– Берни, я...

Истиан вот уже несколько лет пытался выяснить причину активности усмирённого давным-давно Тёмного Источника. Древние легенды и сказания описывали его как жизненную силу Трёх Тёмных Божеств, повергнутых во тьму десятью великими магами прошлого. Сейчас Совет Магических Родов отмахивался от тревожных знаков, уверенный, что движения Источника вызваны приверженцами исчезающего культа Смерти или дикими ворожеями, но Истиан хотел выяснить это наверное.

– Завтра на Совете я расскажу всё. Понимаешь, то, что происходит, очень важно.

– Ты действительно думаешь, что на Холме готовят воскрешение одного из Тёмных Братьев?

– Не совсем, – смущённо улыбнулся Истиан. – Верить в существование богов, которые никак не проявляют себя уже столь долгое время, сложно. Холм ещё полбеды. Конечно, скорее всего, несколько ворожей там готовят некий ритуал. Может, хотя бы больше силы или больше власти. Они такие же люди, и, как людям, им свойственно желать большего. Кин с ними разберётся. Главное – это Места Силы, понимаешь? По моим подсчётам, их должно быть двенадцать, может, тринадцать. Через них в наш мир проникает энергия Источника. После войны с Тёмными, если таковая вообще была, одно Место Силы угасло. Два других из-за катаклизма, вызванного этой же войной или чем-то другим, погрузились на дно Бескрайнего моря, и теперь неясно, функционируют ли они. Одно в Ладосе, и ещё одно в горах Слайбьёрна, только о них мы знаем точно, остальные нам неведомы. Но я уверен, причина усиления Тёмного Источника связана с их угасанием. Берни, ты слушаешь?

– Да, слушаю, – отрешённо проговорила Бернардин. – Места силы, древние боги, духи-хранители.

– Эм, о духах-хранителях я ничего не говорил, – улыбнулся Истиан.

– Разве нет?! – ответила ему слабой невесёлой улыбкой Бернардин. – Думала, скажешь, ведь они должны охранять Места Силы. Так говорят легенды...

– Да, говорят... Но послушай! – продолжил Истиан. – Я придумал, как отследить любого, кто когда-либо контактировал с Тёмным Источником. Это чрезвычайно сложно, но вероятность есть. Смотри. Если маг, связанный со Светлым Источником, использует его Силу, чтобы повредить Барьер и проникнуть за него, след такого заклатья, как и след любого другого, можно найти в Архиве Светлого и отследить. Зная это, такой маг вынужден будет использовать запрещённые ритуалы и те крохи Тёмной энергии, которые так или иначе проникают в наш мир, а это значит, что такие заклатья будут в Тёмном Архиве. Ты понимаешь?

– Конечно, понимаю, – грустно проговорила Бернардин. – Продолжай.

– Дальше. Через небольшую контролируруемую брешь в Барьере в теории мы можем получить доступ к Тёмному Архиву и отследить, кто когда-либо использовал Тёмную энергию. Можно вычислить не только тех, кто подтачивает защитные чары, но и узнать, на что ещё была направлена волшба. Вот такая мысль. Как тебе?

– У тебя всегда было много мыслей. Жаль, что в них ты так и не нашёл места для меня. – Бернардин вздохнула и отвернулась, пряча слёзы.

Истиан понял, что все его теоретические выкладки об Источниках ничуть не интересовали его давнюю подругу. Он опустил голову, медленно подошёл к ней и крепко обнял.

– Берни, ты опять хочешь поговорить о нас?

– Нас никогда и не было, неужели ты забыл?

– Прости, ты же понимаешь... Смерть Валери для меня...

– Но ведь прошло уже два года, и ты ей больше ничем не обязан! Её смерть стала трагедией для всех нас. Я понимаю, тебе до сих пор тяжело, но не рви себе сердце, прошу, я же вижу, как ты страдаешь.

– Прости... Я всё ещё люблю её.

Истиан нежно погладил медные волосы. Бернардин перестала сдерживаться и расплакалась. Её Поток тревожно дрожал и сперва отпрянул от лёгкого прикосновения его Потока, но потом вдруг вспыхнул и со страстью, чуждой неодушевлённой силе, рванулся вперёд, не боясь, отдавая себя. Два Потока соприкоснулись, прижались друг к другу и закружились в танце, радуясь этой близости.

Истиан зачерпнул из Источника немного силы, сплёл простенькое заклятье и легонько отпустил его. Двое давних друзей молча стояли обнявшись, заклинание Умиротворения окутало их, рассеивая тревожные мысли, наполняя сердца безмятежностью и покоем. Сладкий стон сорвался с губ Бернардин. Её слёзы превратились в серебряную дымку, медленно уползающую в звёздное небо. Она вдохнула ночной ароматный воздух и открыла глаза.

– Спасибо, Тиан. Мне так не хватало твоей магии.

– Спасибо тебе, – неловко улыбнулся Истиан. – Спасибо тебе за всё.

Ещё какое-то время они провели, вспоминая старую компанию. Вспоминали Валери – причину всех неприятностей и казусов в их первые годы Семинарии. Именно Валери тогда начала настоящую охоту за молодым строптивым Галланом, сводящим с ума всех девчонок взглядом своих золотых глаз. В конце концов она добилась своего. Через год они сошлись, а через три на главной площади столицы в большом Ладосском соборе молодая пара обвенчалась. Чету Галланов понемногу поглотил семейный уклад, и Бернардин постепенно от них отдалилась. Она по-хорошему завидовала Валери, но так никогда и не призналась, что всю жизнь любила только её мужа.

– Берни, не злись на меня, ладно, – проговорил Истиан. – Знаешь, давай завтра после Совета покутим, как в былые времена! Зайдём на какой-нибудь светский пафосно-вычурный бал. Что скажешь?

Бернардин не смогла сдержать радости: её щёки предательски налились краской, и на мгновение она страшно растерялась, но лишь на мгновение.

– Я с удовольствием, Тиан, – ответила она, пряча волнение. – Княгиня Бертольда ван Маринтрамп, кстати, даёт завтра званый ужин. Не сомневаюсь, к ней прибежит лебезить вся дворцовая доморощенная элита.

– Отлично! – воскликнул Истиан. – Обожаю этих зануд! Сменим личину и пойдём, как восточные купцы-толстосумы?

– Не знаю пока, кто вы, сударь, но Ладос давненько не видел незамужнюю обладательницу тысячи тысяч сапфиров из жаркого Дибай-Ула, Синаю Сан Ларэну. – Бернардин чинно поклонилась и, не удержавшись, прыснула со смеху.

– О, я помню её! – рассмеялся Истиан. – Двадцать два предложения руки и сердца и две дуэли за один вечер. Вас, сударыня, никому не обойти!

– Осторожно, сударь, – игриво улыбнулась Бернардин. – Я слышала, она стала ещё краше, ещё богаче и даже отчего-то моложе!

Они оба звонко рассмеялись.

Бернардин поцеловала Истиана в щёку и поблагодарила за чудесный вечер. Он остался сидеть на узорной серебряной скамье в глубине сада. Лёгкая улыбка играла на его губах. Слова завтрашнего доклада ушли куда-то далеко-далеко – сейчас все его мысли занимала Бернардин Местраль. Неожиданно для себя он ощутил невероятную тягу к ней. Он давно знал, как Бернардин относится к нему. После смерти Валери они встречались неоднократно, но он ни разу не чувствовал к ней того, что почувствовал этим вечером. Невероятная нежность и теплота её Потока вдруг покорили его. Он до сих пор чувствовал её запах, кожа рук до сих пор ощущала лёгкость её волос, блеск её заплаканных глаз вдруг стал для него ярче света ночных звёзд.

Он приложил руку к груди, туда, где осталось мокрое пятнышко слёз Бернардин. Его глаза блеснули золотом, пятнышко сформировало маленькую капельку – капельку её слёз. В этой капле играл мягкий иссиня-сиреневый свет, излучаемый садом. Истиан смотрел на неё

и не мог оторваться. Все его прежние размышления о невозможности быть с кем-то, кроме Валери, вдруг показались такими странными и нелепыми. Все теории об Источниках, присутствии Тёмных и магах-ренегатах вдруг стали ничтожными и неважными. Зачем тратить время на исследования, которые впоследствии могут и не оправдаться? Зачем тратить жизнь на спасение этого мира, если в твоём сердце нет любви?

Истиан закрыл глаза, и капельку, превратившуюся в дымок, развеял по саду ветер. Он чётко представил себе образ Бернардин и прошептал:

«Берни, это Истиан. Я иду к тебе!»

Он отправил послание в Источник, чтобы оно нашло ту, о которой он сейчас думал, и наполнило её сердце радостью скорой встречи. Мысли кружились у Истиана в голове. Он и не заметил, как вокруг стало темнее.

Поражение сильнейшего

Вспышка яркого белого света волной разлилась по саду. Насторожённое заклятие сработало без приказа, тщаь обнаружить незримого врага. Испуганно щебеча, птицы взметнулись в ночное небо, закрыв ненадолго лунный диск. Чёрно-бурое месиво с распахнутой звериной пастью обрушилось на Истиана. Он не шелохнулся. Когти и зубы проходили сквозь него, круша металлическую скамью и разламывая крепкие доски. Облик дрогнул и растворился в воздухе. Обманутый Тёмный завыл, вырывая остатки скамьи из земли и отбрасывая их в сторону.

Истиан со стороны смотрел на исходящего бессильной яростью зверя.

Это существо разумно и определённо способно к чародейству. Маскировка и некое подобие скачков в пространстве. Но Потока нет! Со Светлым он не связан. Шаманизм? Духи не потревожены. Неужели Тёмный?! Кто ты? Насколько же ты силен, раз решился напасть один на один? Давай-ка это выясним.

– Плохой пёс, – выйдя из-за молодой берёзы и придав голосу непринуждённости, усмехнулся Истиан. – Ещё и глупый, раз решил напасть на члена Совета. Да ещё в столице! Сейчас здесь будут все дворцовые стражи Ладоса.

Зверь обернулся, блеснул глазами и издал прерывистый звук, напоминающий смех:

– Человек глуп. Человек не замечает Тени. В Тени человека не услышат.

Истиану не нужно было смотреть по сторонам, чтобы понять – сад изменился. Вернее, изменился сам мир. Всё оставалось на своих местах, но в воздухе теперь висела еле различимая дымка, звуки казались приглушёнными, листья деревьев замерли в безветрии, звёзды поблёкли и мерцали чуть заметной рябью. Лишь луна, невероятно огромная, почти полная луна изменила цвет на серо-зелёный, будто кто-то невесть зачем окунул её в болото и снова повесил над городом.

Истиан обратился к своему Поток и ужаснулся. Ранее спокойный и податливый, сейчас он представлял собой грязную, бесноватую бурлящую реку. Эта река грозила разорвать любого, кто осмелится зачерпнуть из неё хоть толику энергии.

«Он влияет на мой Поток! Как-то извращает его. Непостижимо! Придётся обходиться отложенными заклятиями. Но до чего же их мало. Знать бы заранее, что встретится прислужник Трёх Тёмных...» – Истиан принялся перебирать готовые заклятия в голове.

В первую очередь он отпустил Тревожное Предупреждение, призывая на помощь любого, кто сможет увидеть или прочесть его. Столб света устремился в небо, обозначая его местонахождение, но поднявшись чуть выше деревьев, он стал быстро таять и полностью исчез.

– Заклятия человека в Тени – ничто! Человек пахнет страхом. Галлан – моя добыча! – Зверь издал громкий вой и исчез в клубах дыма.

Истиану достаточно было моргнуть, чтобы заклятие иллюзии, бережно и аккуратно вплетённое в формулу перемещения, сработало второй раз. Через миг существо появилось там, где только что стоял Истиан, и с жутким звуком сомкнуло челюсти – образ содрогнулся и рассыпался в воздухе.

Пришло время нанести ответный удар. Яркая ветвистая молния соскользнула с небес и ударила в землю.

«Промах?! Не может быть!» – изумился Истиан.

В следующее мгновение за его спиной за клубилась чернота. Охранный барьер сработал сам собой. Яркий купол накрыл Истиана, останавливая размашистый удар когтистой лапы. Следующий удар немного продавил защиту, купол тут же вспыхнул множеством сине-белых искр, и сотни крошечных молний впились в нападавшего. Пахнуло палёной шерстью. Зверь, дико вопя, отпрыгнул и исчез в темноте.

Эти два страшных удара нанесли непоправимый урон защитному заклетию. Купол истончился, мигал и подрагивал. Тратить силы на его поддержку больше не имело смысла, и Истиан погасил его. Оглядываясь, он отошёл к толстеному старому дубу и прислонился к нему спиной – теперь по крайней мере удар сзади ему не грозил.

«Галлан! Он сказал Галлан?! Он пришёл именно за мной?! Неважно. Он ранен, и это хорошо. Можно ранить – можно и убить. Нужно разобраться с этой Тенью. Заклинания в ней работают иначе. Становятся слабыми, нестабильными. Кто знает, чем обернётся следующее? Можно попробовать символную или предметную магию – подготовка займёт много времени. Вербальные заклетия могут выйти боком – звук искажён, а значит, будут искажены чары. Нужна помощь. Хоть какая-то помощь. Поток загрязнён – меня не услышат. Думай, Галлан, думай!» – мысли носились в голове Истиана с бешеной скоростью. Он никак не мог отдышаться, короткий бой неожиданно быстро вымотал его.

Тут память подкинула ему решение. Одно из правил Трактата Магических Дуэлей гласило: «Против оппонента, превосходящего тебя силой, – используй место дуэли». Истиан сосредоточился и попытался обнаружить населяющих этот сад древесных духов. Ему ответил лишь один, по ощущениям старый и почти угасающий дух из растущей невдалеке столетней плакучей ивы. Для контакта нужна была энергия. Истиан набрался храбрости и буквально на миг прикоснулся к Потоку, тщаь вытащить из него хоть толику Силы. Тут же боль прутом пронзила его сознание. Такой боли он не испытывал никогда. Едва не лишившись чувств, он дёрнулся, боясь увидеть рядом с собой Тёмного врага, но вокруг никого не было, и, если бы не серая дымка, висящая в воздухе, и мёртвая, неестественная тишина сада, можно было подумать, что всё это лишь кошмарный сон. Однако риск стоил того – послание было доставлено:

«Привести помощь. Галлан. Западный сад. Тёмный слуга».

Дух, будто опасаясь за свою жизнь, боязливо выглянул из своего жилища, огляделся и, сорвавшись с места, умчался прочь. Истиан лишь различил чуть видный дымок, уплывающий вдаль.

Мысли вновь лихорадочно закружили у него в голове.

«Теперь нужно время. Больше информации. Эта тварь сильна и разумна. Может, в этом ключ?! Ещё одно правило дуэлянта: «Эмоциональная нестабильность – верное поражение».

Истиан успокоил желающее выпрыгнуть из груди сердце, перевёл дыхание и громко крикнул в темноту:

– Как твоя лапка, псина? Не болит? Сунешься ещё раз, влеплю молнию промеж твоих щенячьих глаз! – Его голос, хоть и сильно искажённый, далеко разносился по саду. – Пока ты не уполз в свою берлогу, может, расскажешь мне, кто твой хозяин? Это он приказал убить меня? Или у тебя личные обиды? Тёмных в Эделии не было уже сотни лет. Может, мои пращуры когда-то охотились на твоих? У нас в родовом замке десятки чучел разной мерзости, и, клянусь, ты очень похож на одно из них. Гарантирую, что линялая шкура твоей прабабки лежит у меня перед камином.

«Истиан! Я не... ижу теб... что про... дит?» – тревожный, прерывающийся голос Бернардин разнёсся по Потоку Истиана.

«Берни, я в Западном саду, срочно зови Дворцовых. Слуга Тёмных...»

Договорить он не успел: чёрный туман вылепил перед ним занесённую для убийственного удара лапу, и в тот же миг всё тело Истиана покрылось каменной бронёй. Он перехватил удар. В безоблачном небе сверкнули ещё несколько молний и ударили в землю в нескольких шагах от них. Разинув пасть, Зверь вцепился Истиану в плечо – магическая броня закрипела и, поддавшись, раскрошилась под острыми клыками.

Истиан закричал от боли и отпустил последнее, самое смертоносное своё заготовленное заклетие. Всё его тело взорвалось разрядами молний. Одни без разбора били в землю, поджигая деревья и зелёную траву, другие сплетались вместе, образуя яркий раскалённый купол.

Человек и зверь, сцепившись, стояли посреди бушующей стихии. Молнии пронзали их насквозь. Звериный вой и человеческий крик слились в едином вопле нестерпимой муки. Заклятие набрало полную силу, и купол обрушился на них сплошным столбом магической энергии. Сила взрыва повалила ближайшие деревья и моментально превратила в пепел все растения поблизости. Тёмная хмарь растворилась. Место битвы вновь обрело реальные краски. Вдали низким протяжным стоном зазвучал сигнальный горн.

На опалённой земле Западного сада Ладоса лежал сильнейший маг Эделии. Его левое плечо превратилось в кровавое месиво, кожа почернела, остатки одежды тлели, еле прикрывая истерзанное тело. Изуродованная, истекающая чёрной кровью туша склонилась над ним. Капли горячей кипящей слюны и хриплый рык заставили мага открыть глаза и содрогнуться от ужаса. Обугленный, почти лишённый плоти череп Зверя смотрел на него пустыми глазницами. Глаза чудовища, расплавленные жаром молний, растекались по морде. Одна лапа была оторвана. Сгоревшая плоть отваливалась кусками от сгорбленного тела, оголяя пульсирующие внутренности и серо-красный скелет.

– Сильный. Очень сильный! – выдохнул сухую гарь в лицо Истиану Зверь. – Но сегодня Галлан – моя добыча!

Разинув пасть, он впился Истиану в грудь, ломая рёбра, разрывая лёгкие и останавливая сердце.

Истиан Галлан издал хриплый стон, его глаза последний раз блеснули золотом, он сделал прерывистый глубокий вдох и умер.

Воздух задрожал. На дорожке сада появилась Бернардин Местраль. Она вскрикнула, увидев обезображенное трёхлапое существо, поедающее что-то на тлеющей земле. Зверь повернул к ней свою окровавленную морду. В глазнице, пульсируя и загораясь, образовался красный глаз. Тело обволокли клубы дыма, внутренности и мышцы отрастали вновь. Он зарычал и поднялся с земли, отрываясь от трапезы. Теперь Бернардин увидела, кого поедало это страшное неведомое создание.

– Не-ет! – крик отчаянья и боли пронзил ночную тишину.

Зверь посмотрел на лежащее перед ним тело, перевёл взгляд на магичку и оскалился. Бернардин могла поклясться, что прочитала в этой жуткой улыбке ликующее торжество и бездонную ненависть. Моментально она сотворила два заклятия. Существо тут же подбросило высоко над землёй. Отшлифованные камни садовой дорожки сформировали вокруг него сферу-тюрьму. Бернардин упала на колени – сила и ярость свирепствующего внутри её темницы пленника невыносимой болью отдавались во всём теле. Она изо всех сил пыталась держать чары, но чувствовала, что надолго её не хватит.

Рядом возникли пятеро Дворцовых стражей в латных доспехах и сиреневых плащах – страх и ужас всех нерадивых магов Эделии, смеющих использовать Силу Источника без разрешения Совета Родов и Императора. Они знали, что тут произошло: оглядчики прочли следы всех заклятий, творимых сегодня в этом саду. Двое стражей подняли Бернардин, отдавая ей часть своей Силы. Головная боль, как и боль во всём теле, мгновенно исчезла. Она усилила заклятие – каменная тюрьма сжалась ещё сильнее, Зверь завыл от боли и бессильной ярости.

Один из стражей подошёл к телу Истиана. Открыв забрало, он бросил взгляд на своих соратников, и Бернардин услышала голос, разнёсший весть:

– Галлан мёртв. Подтверждаю. Местраль держит существо. Нужны ещё стражи.

Слёзы хлынули потоком. Стон скорби застрял в горле. Сердце остановилось.

– Сдохни, тварь! – вопль женщины, потерявшей любовь, стократ усиленный её бушующим Потоком, сотряс всё вокруг. От его мощи стражей отбросило в стороны, обугленные деревья, устоявшие под ударом последнего заклятья Истиана, повалились наземь, оставшиеся древесные духи в ужасе бросили свои жилища и навсегда покинули Западный Сад Ладоса.

Тем временем каменная темница начала быстро сжиматься. Зверь завыл в предсмертной агонии, давясь кровью и внутренностями. Неожиданно Бернардин почувствовала, как силы покидают её. Более того, чары трёх стражей теперь влияли на её заклятие, ослабляя его. В каменном мешке образовались бреши. Сквозь них жуткими щупальцами пробирались струйки густого чёрного дыма.

– Что вы делаете?! – выдохнула Бернардин.

– Существо Тёмного Мира приказано доставить в лабораторию Совета Десяти живым!

– Я член Совета Десяти! Я приказываю вам...

Она почувствовала, как в её сознание проникли чьи-то чары, лишая её контроля над Поток. Это ювелирно сотканное заклятие тоненькой холодной змейкой проскользнуло и легко обошло все её защитные барьеры, даже не потревожив их.

– Как вы... – выдохнула Бернардин, и сознание покинуло её.

Разные судьбы

Иллиан лежал в постели в гостевом крыле замка и прокручивал в голове события этой ночи. Отправляясь в поход, представители Центральной ячейки связали свои магические Потоки в один ритуалом Ментального Круга, предполагающим не только усиление каждого из его участников, но и позволяющим видеть творимую волшбу другого.

Во время ссоры на пиру Эбинайзер раскрыл Картины Разума Аксена Фолина. Иллиан, как и все члены ячейки, видел красный туман безумия и жажды крови, застивший сознание десятника за несколько мгновений до того, как тот потянулся за ножом. Молодой чародей не смог бы быстро бросить нужное заклятие: искусство мгновенного применения отложенной магии требовало практики и большого опыта. Но Кин, Присцилла, магистр Горан – они-то уж точно держали наготове около десятка всевозможных заклинаний. Одна лишь мысль – и сплетённая заранее волшба достигла бы цели: закрыла непробиваемым куполом воеводу Бреннена или оглушила бы десятника. Сделать можно было многое, и кровопролития удалось бы избежать.

Сразу после инцидента, как его назвал Эбинайзер, он приказал ячейке покинуть зал. По крикам и шуму Иллиан догадался: после произошёл бой и пострадавших в нём было немало. Но маги и тогда не вернулись помочь. По утверждению Горана, жрецы Трёх и местный маг Ландел в их помощи не нуждались, но Иллиан ему не поверил. В тот вечер он слегка заглянул в Поток Райзера Ландела. Бренненский чародей был либо слишком глуп, либо слишком пьян, чтобы распознать и заблокировать его Взгляд. Увиденного даже мельком Иллиану хватило, чтобы понять невысокий уровень этого магика, а столетний старик и девчонка из местного храма Трёх Светлых никак не дотягивали до столичных целителей.

– Почему мы не помогаем им? – спросил он тогда у Эбинайзера.

– Вы потомок одного из Великих Родов, и у вас с этими людьми разные судьбы, – ответил ему темнокожий чародей. – К тому же у нас есть задание. Только оно имеет значение. Мы не можем растрчивать силы на усмирение пьяной солдатни.

– Задание? Серебряные и вся Центральная ячейка на устранение диких ворожей?! В Семинарии ведьмам отведена лишь пара лекций на курсе истории. Сражаться с ними предписывается войскам на местах и жрецам Триглавы. Вы что-то от меня скрываете?!

– Идите спать, юный Галлан, – улыбнувшись, закончил тогда разговор Эбинайзер.

На протяжении всего похода Иллиан чувствовал, что от него многое утаивают. Искать истинные цели задания в Картинах Разума связанных с ним ментальным кругом коллег смысла не имело. Маги такого уровня легко бы скрыли их от него или вовсе подложили бы ложные. Иллиан Галлан, самый юный маг, когда-либо поступивший в Семинарию, талант и надежда своего Рода, чувствовал себя слепым беспомощным кутёнком, с которым играют взрослые. Но уже завтра всё решится, по крайней мере он узнает их истинную цель.

Иллиан закрыл глаза. Память издевательски чётко вернула его в зал: перерезанное горло Радного, толстый ковёр, впитывающий тёмную кровь, ужас женщин и звериная злость на лицах пьяных мужчин. Холодок страха пробежал по телу. Поток, связывающий каждого мага со Светлым Источником, возник перед его взором, блеснул и колыхнулся, готовый служить своему хозяину. Иллиан небрежно и щедро зачерпнул из него – сегодня он не собирается прибегать к примитивной предметной магии. Конечно, завтра слепой магистр полдня будет ворчать, что, мол, можно было обойтись и несложным ритуалом, – пусть его! Работа с чистым Источником – вот путь для потомка великого Галлана!

Он сосредоточился на камне возвращения, висящем у него на груди, и до предела напил его Силой. Древняя реликвия их Рода, переданная отцом, теперь в случае смертельной опасности переместит Иллиана в родовой замок, расположенный в западной части столицы. Камень

приятно потеплел, благодарно принимая энергию, и тихонько завибрировал, понемногу успокаивая юного чародея.

Покаяние Десятника

Аксен очнулся в холодной, сырой темнице замка Бреннена. Руки сковали ржавые, грубойковки кандалы. Цепи в два пальца толщиной тянулись от них к большому кольцу в потолке. Окон не было, и только свет коридорных факелов слабо освещал небольшой островок пола у его ног. В затёкших плечах нарастала ноющая боль. Голова разламывалась от выпитого.

– Какого хера?! – прохрипел он и зашёлся в жестоком кашле.

В памяти плясали неровные фигуры, обрывки фраз и размытые лица пирующих. Огромный силуэт то ли медведя, то ли витязя, раскидывающего напирających людей, возник перед ним.

«Ром?! Был бой?! Что-то случилось на пиру...»

Желчь подкатила к горлу, Аксена вырвало. Он поморщился, сплюнул, только сейчас вместе с запахом рвоты и плесени уловив тяжёлый запах засохшей крови. Он был залит ею с головы до ног.

«Кровь не моя. Ран нет».

Тяжело застонав, он зажмурился, силясь вспомнить прошедшую ночь. Как наяву перед ним возникло искажённое ужасом лицо Радного и разрывающий плоть нож в его горле.

– Я отрезал этому жирному ублюдку голову, – прошептал Аксен. – Срезал его гнилую башку с плеч!

Тут же память вернула ему всё произошедшее на пиру. Он вспомнил их с Радным разговоры, вспомнил кровавое безумие, захлестнувшее мозг. Вспомнил бой. Его вырвало повторно. Он попытался вспомнить, что было дальше, но разум отказывался думать о чём-то, кроме тошноты и привкуса человеческой крови во рту.

Где-то наверху раздалось бряцанье ключей и тяжёлые стоны несмазанных засовов. Протяжно скрипнула дверь, послышались звуки приближающихся шагов. В небольшой круг света вошёл Артур. Он молча посмотрел на узника.

– Твою мать, Аксен.

Аксен облизнул пересохшие губы и опустил голову.

– Кто возьмёт моих?

– Игнаций.

– Хорошо. Кэс ещё слишком молод, Фарли раздолбай, Рому не хватит мозгов вести две десятки.

– Он спас тебя там.

– Помню. Как он?

– Пойдёт под трибунал.

Аксен поднял голову и посмотрел на Артура.

– Его надо вытащить.

– Вытащу.

– Ты извиняй меня, старшой. Я... я не думал. Я даже не помню, как схватился за нож.

– Зачем ты вообще притащил его?

Аксен слабо усмехнулся.

– Да не в ноже дело. Я бы справился и голыми руками.

– После возвращения с Холма я доставлю тебя в Ладос на Суд Воевод.

– Знаю.

– Я не смогу тебе помочь.

– Знаю.

– Это правда об Урусских?

– Было.

– Мой отец, он... – Артур не хотел заканчивать вопрос, он боялся услышать ответ. Одна мысль, что его отец, герой Эделии, мог участвовать в чудовищных преступлениях, доводила его до отчаяния.

– Твой отец служил в Железном легионе. На такие геройства отправляли только элиту.

– Обо всех преступлениях Радного на островах тебе нужно было доложить!

– Пить хочу.

Артур огляделся. В коридоре стояла бочка с затхлой водой. Грязный деревянный ковш висел рядом на стене.

– Я распоряжусь, чтобы тебе принесли свежей воды и еду.

– Двадцать лет, старшой. – Аксен зажмурился, вдавливая накатившие слёзы обратно. – Двадцать лет я живу с этим. На войне всё было ясно. Враг там – убивай. А после победы... После победы ты берёшь факел и доказываешь им свою преданность. Приказы не обсуждаются – приказы исполняются.

– Если ты расскажешь об этом в Ладосе, если ты расскажешь все Трибиусу Талку и Старшим воеводам...

– Старшим воеводам?! – усмехнулся Аксен. – От кого, ты думаешь, Радный получал эти приказы?! Набеги дикарей Кадал-Урусских островов есть главная угроза для устоев и процветания Империи. Подлежат полному истреблению. Немедленному истреблению... Моя жизнь закончена, старшой. Судить меня будут Трое Светлых. Иной суд для меня не имеет значения.

– Не имеет, – тихо произнёс Артур и повернулся спиной к своему бывшему десятнику. – Но смертью убийства не искупишь. Ты хочешь остаться в памяти своих друзей убийцей? Судить в Ладосе тебя будут не за твои прошлые подвиги, а за убийство военного преступника.

– А я и есть убийца. Видать, от судьбы не уйдёшь. Фолины все заканчивают на плахе... или в петле.

– После Холма мы заберём тебя отсюда.

– Может, ещё и встретимся, ага, – тихо проговорил Аксен и опустил голову.

Покидая Бреннен

Солнечные лучи весёлыми зайчиками отражались от разноцветной мозаики окон замка. Утренняя прохлада ещё не переросла в невыносимую жару, и стрижи, весело щебеча, носились в воздухе, отлавливая насекомых себе и молодой поросли на завтрак.

Настроение же обитателей замка никак не соответствовало этой картине: конюхи, выводя лошадей, старались не смотреть на Серебряных; двое мальчуганов, предоставленные дружине в служки, этим утром не явились; пятеро егерей, присланные в провожатые по приказу Радного, ждали столичных гостей у южных ворот.

Витязи Сорок Девятой Серебряной в угрюмом молчании проверяли оружие и седлали лошадей. В это раннее утро все уже знали о случившемся на пиру. Убийство воеводы на глазах у десятков свидетелей – плаха для любого, ну, может, за исключением самого Государя Императора. Теперь же им придётся оставить Аксена здесь, в цепях, а после завершения похода доставить его в Ладос на Суд Воевод. Настроение у витязей было не радужным.

Переговорив с сотниками Радного, Артур убедил их, что Ром, так же как и Аксен, не избежит суда, и настоял на его участии в походе. Бренненские цепи ему теперь не грозили, но столичные немногим от них отличались. После разговора с Аксеном Артур всю ночь не сомкнул глаз и вернулся в казарму лишь под утро. Надев, казалось, прибавившую за ночь несколько пудов кольчугу, он заметил приближавшихся к нему десятников.

– Утро, Серебряные, – кивнул им Артур.

– Какого хера, старшой?! – выпалил Кэс. – Мы же не оставим Аксена этим говножуям?!

– Ему не пережить этот день! К бабке не ходи, они повесят его без суда! – поддержал брата Фарли.

Молодые десятники были на взводе, Ром молчал, но по выражению его лица можно было понять, что он готов сровнять замок с землёй, коли будет на то приказ. Игнаций же молча чесал бороду и пристально смотрел на своего воеводу.

– Какие ваши предложения? – отдал инициативу Артур.

– Вытащим его! – незамедлительно предложил Кэс. – Клал я на приказы этих пердунов – Аксен поедет с нами!

– После Холма отвезём его в Ладос, а там видно будет, – кивнул Фарли.

– Да, и что ещё за хрень про Урусских?! Мол, Аксен жёг гражданских – это же бред!

– Угомонись, Кэсседи, – одёрнул его Игнаций. – Артур, ты говорил с ним про острова? Это правда?

– Правда, – ответил Артур. – Он рассказал, что выполнял приказы Радного, а тот получал приказы от Совета Воевод.

– Кобылицу твою раком! – выдохнул Фарли.

Десятники переглянулись: представить, что их проверенный боями товарищ – военный преступник, было невозможно. Совет Воевод, отдающий приказы жечь захваченные деревни, – бред сумасшедшего.

– Собрались вытаскивать его, значит? – поднялся Артур. – Скольких честных бренненцев хотите положить ради этой затеи? Десятка три? Больше? Воеводы отправляют неподготовленные легионы на убой в никому не нужные земли, стычки с Вольными унесли уже больше жизней, чем последняя чума! Тем не нравится Император, этим маги и новая церковь! Так что же, бери меч и руби, пока не останется несогласных? Так, по-вашему?!

– Старшой, да мы и не думали. – Кэс стушевался от такого напора и сделал шаг назад.

– Вот именно, что не думали! На то я над вами и поставлен, чтобы на столько дураков хотя бы один умный был! Кругом льётся кровь, неизвестно, что нас ждёт на Холме, а ты предлагаешь всей Серебряной напасть на пограничный замок?! Вытащить преступника, а после

вместе с ним шагнуть на плаху?! Десятник Фолин сам решил свою судьбу. Никто, кроме него, не виноват в том, что он сделал. И я не позволю ни вам и никому из моей дружины идти на преступление ради него! Поймите это и простите меня. Мне не следовало брать Аксена на этот пир.

– Артур, на тебе нет вины, – тихо произнёс Игнаций.

Помолчали.

– Нужно оставить ребят, чтобы охраняли его, – предложил Ром.

– Нет, не стоит. Сотник Вольхим дал слово, что никто не причинит Аксену вреда. Он показался мне честным человеком.

– Правда, – кивнул Игнаций. – Вольхим – нормальный мужик.

– Готовимся к отъезду, – подытожил Артур. – Чем быстрее вернёмся, тем быстрее вытащим Аксена отсюда.

Все ушли собирать свои десятки. Игнацию теперь предстояло вести не десять, а двадцать витязей. Большой сложности это не представляло, но всё же воинам нужно было объяснить новый тип построения при переходе, а главное – в бою. Одним из новых бойцов, попавших под ответственность ветерана, стал Уилл Харриган. Молодой рыжий парень давно просил перевести его в десятку Игнация, но Аксен перетасовок не любил. Теперь же трагедия распорядилась за него, и Уилл был несказанно счастлив, но мысль о своём бывшем десятнике, закованном в кандалы под замком, омрачала радость.

– Тебе всё понятно, сынок? – обратился к нему Игнаций, закончив отдавать приказы.

– Выполняю! – Уилл хлопнул себя по плечу так, что поморщился от боли.

– Спокойно, парень. Аксен почти двадцать пять лет на службе в Имперских войсках. Может, Суд Воевод и смиростивится.

– Я помолюсь Трём за его судьбу.

– Помолись. Давай в строй, – грустно улыбнулся Игнаций. Сам он прекрасно понимал, что дни Аксена сочтены.

Ром, с перевязанной головой, на которую теперь не налезал шлем, уже увёл свою десятку к воротам, Артур и братья Валлаэртс с их двадцатью воинами ускакали к дому Райзера Ландела.

По пути к дому мага витязи никого не встретили. Строения казались пустыми и покинутыми: их обитатели ещё спали или намеренно избегали встречи со вчерашними гостями. Серые холодные стены замка десятикратно отражали стук копыт по каменным безлюдным закоулкам. Сам замок после смерти своего воеводы словно уменьшился. Он будто бы съёжился и уже не казался такой надёжной монолитной громадиной.

– Интересно, как они встретят нас на обратном пути? – задумчиво произнёс Фарли.

– Как героев, как же ещё?! – процедил Кэс. – Выдадут по ордену и по мешку дерьма в придачу.

– Мы выйдем ведём с Холма. Посевы придут в норму, скотина перестанет болеть, а воевода... Назначат нового. Так что всё может быть.

– Мой мешок можешь забрать себе, – буркнул Кэс, разглядывая мёртвые окна замка.

– Свалили. Эти девки просто свалили, – усмехнулся Фарли.

– Эм, братуша, ты сейчас о чём?

– Эльфийки. Эльфийки даже не попытались защитить Радного. А у младшенькой... Какая же у неё фигура!

– Отставить фигуру, – прервал их разговор Артур. – Нужно ещё разобраться, что это были за фигуры. Трактат о нелюди запрещает нанимать эльфов в личную стражу. Три дня в городе – и Радный сразу берёт их. По мне, так он кого-то очень боялся. Причём кого-то в замке. Об этом вы не думали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.